

журнал
мопкинковского общества
санкт-петербурга

папантур

№ 42

февраль 2004 года

:i рѣтѣрѣ:

:i рѣтѣ рѣтѣтѣ лѣтѣтѣ лѣтѣтѣ:

TOLKIENISTICA ROSSICA MAGNA.	3
Толкин русскими глазами.	4
Дэвид Даган. Дж.Р.Р.Толкин: Биографический очерк. <i>Перевод Аллы Хананашвили.</i>	6
Марк Хукер. <i>Dwaling.</i> <i>Перевод Аллы Хананашвили.</i>	15
Наталья Геда. Отзыв о кинофильме "Властелин Колец".	17
Лотизель (Елена Тихомирова)(<i>при участии Маэлора (Андрея Кассирова)</i>). Квест в "зоне диалога" альтернативной мифологии Толкина с традиционными мифологиями.	23
Хельге Февскангер. Синдарин - благородное наречие. <i>Переводчик неизвестен. Под редакцией Маэлора Д.Ласа.</i>	28

На последней странице - работа Моргул "Гилтониэль"

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 42 февраль 2004

журнал
Толкиновского
Общества
Санкт-Петербурга

Этот номер для вас делали: Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул

Наш адрес: 191186 СПб, Миллионная 15-13

E-mail: zoltan@tolkien.ru eondil@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наш сайт: tolkien.spb.ru

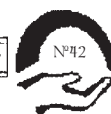
Зеркала сайта: tolkien.by.ru esgaroth.narod.ru

Copyright (c) 2004, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

TOLKIENISTICA ROSSICA MAGNA

В русскоязычном культурном пространстве творчество Дж. Р. Р. Толкина получило широкую известность сравнительно поздно – лишь в 70-80-х годах прошлого века. В первые годы века нынешнего российская толкиенистика завершает период первоначального накопления информации. В том или ином виде стал доступен основной корпус текстов Толкина, известных на Западе (*Хоббит*, *Властелин колец*, *Сильмариллион*, *Неоконченные предания*, *История Средиземья* в 13-ти томах, *Письма*, а также малая проза, словари и отдельные опубликованные фрагменты), значительная часть этих текстов переведена на русский язык. Опубликованы и переводы двух наиболее значимых теоретических работ зарубежных специалистов – *Дж. Р. Р. Толкин: Биография* Х. Карпентера и *Дорога в Средьземелье* Т. Шиппи.

Интерес к книгам Профессора привел к появлению в России большого количества самых разнообразных исследований, как любительских, которые публикуются в периодических изданиях, например в журнале Толкиновского общества Санкт-Петербурга *Палантур*, размещаются на специализированных сайтах в сети Internet, так и академических, которые издаются в сборниках научных статей, защищаются в качестве выпускных квалификационных работ, а также диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Это свидетельствует о наступлении нового периода в российской толкиенистике – периода теоретического осмысления творческого наследия Дж. Р. Р. Толкина.

Серия "TOLKIENISTICA ROSSICA MAGNA" основана двумя коллективами – Неформальным творческим объединением "TolkienTextsTranslation" (ТТТ) и Толкиновским обществом Санкт-Петербурга, – для публикации наиболее важных, интересных и квалифицированных исследований. В рамках этого проекта предполагается издавать монографии, а также сборники статей, посвященных какой-либо узкой теме. Грань между академическими и любительскими исследованиями довольно зыбка, а посему Редакционная коллегия не планирует какой-либо дискриминации последних. Более того, мы не ставим своей целью навязывать авторам публикуемых работ свою точку зрения на изучаемые вопросы, поэтому мы просим читателей учесть, что точки зрения Редакционной коллегии и наших авторов по обсуждаемым проблемам могут далеко не всегда совпадать.

Первый труд Серии – это монография Марка Т. Хукера *Толкин русскими глазами*. Редакционная коллегия надеется, что читателям покажется интересным взгляд со стороны на, так сказать, «особенности национальной толкиенистики». Отзывы на книгу Вы можете разместить в сети Internet на Форуме сайта ТТТ по адресу: <http://ttt.by.ru> или <http://www.tolkien.ru/ttt> Редакционная коллегия готова рассмотреть предложения авторов о публикации их исследований в последующих выпусках Серии. Такие предложения так же могут быть размещены на Форуме сайта ТТТ по вышеуказанному адресу.

ТОЛКИН РУССКИМИ ГЛАЗАМИ

Книга "Толкин русскими глазами" - это первое в мире крупномасштабное исследование переводов на русский язык произведений выдающегося английского писателя Дж. Р. Р. Толкина.

Ее автор, Марк Т. Хукер, американский лингвист-исследователь, один из ведущих американских толкиноведов, на примере не имеющего аналогов в мировой практике количества русских переводов "Властелина Колец" и "Хоббита",

умело демонстрирует, что эти переводы содержат не только текст и философию оригинала, но также отражают и особенности русской национальной культуры, российской истории XX века, а помимо этого еще и взгляды самих переводчиков.

Данное исследование уникально еще и по сути - переводы анализирует англоязычный специалист, и делает это очень живо и остроумно, попутно объясняя многие сложные для понимания и перевода места в произведениях Толкина.

Книга состоит из восьми глав.

1. "Краткая история толкинизма в России". В ней подробно рассказывается о том, как Россия знакомилась с произведениями Толкина. Приводятся малоизвестные факты самиздатовской деятельности по переводам Толкина, подробно анализируются различные течения и направления русской толкинистики.

2. "Сказание о Хоббите" состоит из 3-х частей. В первой акцентируется внимание читателей на том, как первая переводчица Н. Рахманова удачно обходила в своем переводе цензурные препоны, сохраняя при этом в максимально полном объеме стиль и содержание сказки. Во второй и третьей частях сравниваются переводческие решения двух сложных философских моментов – образа дракона и роли золота в произведении.

3. "Отказ от Кольца". Подробный анализ первого важного события, происходящего в романе – постепенного нарастания напряжения по мере того, как Бильбо выполняет свой план и добровольно отказывается от Кольца.

4. "Оставь Надежду..." отвечает на вопрос, насколько успешно разные переводчики смогли передать ключевую идею произведения Толкина, и насколько это согласуется в их интерпретации с христианской надеждой – главным элементом мировоззрения Толкина.

5. "Дело Сэма: денщик Фродо". Здесь рассматриваются различные переводческие концепции роли Сэма и выполняемого им долга.

6. "Искушение Знанием и Властью". В главе затрагивается проходящая лейтмотивом через все произведение тема искушения героев властью и знаниями, из-за чего попали в ловушку сначала эльфийские кузнецы Эрегиона, а затем Саруман Белый. Одновременно проводятся и анализируются параллели с романом Замятина "Мы".

7. "Один день Фродо Дроговича". Автор останавливается на главе из третьего тома "Очищение Ширы" и на ее примере убедительно доказывает, как некоторые переводчики, в

первую очередь Муравьев, использовали свои переводы для демонстрации собственных политических взглядов, не имевших ничего общего со взглядами Толкина и тем смыслом, который он вкладывал в свое произведение. В переводе Муравьева эта глава стала поистине манифестом лагерного бунта, который, без сомнения, полностью отсутствует в оригинале.

Восьмая глава называется "Что в имени?". Это самая большая глава книги и посвящена она самой сложной и концептуальной проблеме перевода "Властелина Колец" - попыткам разных переводчиков передать на русском языке чрезвычайно стройную и продуманную систему имен и названий романа.

Стоимость одного экземпляра книги составляет 100 руб. Заказы на получение книги просим направлять по адресам:

Для жителей Москвы и гостей столицы:

solorecords@narod.ru

Телефон: 412-76-76 (спросить Соло), звонить 09:00-15:00 и 22:00-22:40.

или

jorian@mail.ru

Платформа "Дмитровская" (от Москвы), торговые ряды "У платформы "Дмитровская"", место № 77 - Джориан.

Проезд от Рижского вокзала, также станция метро "Дмитровская", трамвай № 27, троллейбусы № 3, 29, 47, 56, 78 и автобусы № 206, 727 (и некоторые другие) до остановки "Станция метро "Дмитровская"" или "Платформа "Дмитровская"".

Можно организовать получение по подписным спискам, сбор предоплаты и прочие варианты.

Для жителей Санкт-Петербурга и гостей города:

annatar@mail.spbnet.ru

alexander_kudryashov@p27.f1171.n5030.z2.fidonet.or

Alexander Kudryashov 2:5030/1171.27

Телефон: 275-56-74

Заказанные книги будут переданы Вам при личной встрече.

Жителям *других городов* книги будут высланы ценными бандеролями наложенным платежом. При почтовом заказе необходимо компенсировать почтовые расходы, связанные с пересылкой. Заказы просим направлять по адресам:

annatar@mail.spbnet.ru

alexander_kudryashov@p27.f1171.n5030.z2.fidonet.or

Alexander Kudryashov 2:5030/1171.27

Джон Рональд Руэл Толкин (1892-1973) — выдающийся исследователь английского языка, специалист по древне- и среднеанглийскому. Дважды профессор англосаксонского (древнеанглийского), на протяжении 35 лет преподававший в Оксфордском университете, он также является автором множества произведений, из которых наиболее известны «Хоббит» (1937 г.) и «Властелин Колец» (1954-1955 гг.). Действие их происходит в доисторическую эпоху в выдуманной версии мира, который он назвал среднеанглийским словом Средиземьем. Этот мир населяли люди, эльфы, гномы, тролли, орки (или гоблины) и, конечно, хоббиты. За редким исключением влиятельные английские литературные критики относились к Толкину с неизменным презрением, зато без преувеличения можно сказать, что он заслужил признание и любовь миллионов читателей во всем мире.

В 60-х годах Толкин стал культовым писателем для многих представителей зарождающегося движения «антикультуры», в значительной степени благодаря поднятым им проблемам экологии. В период с 1997 по 2003 гг. он неизменно лидировал в четырех престижных британских опросах общественного мнения, призванных выявить лучшее литературное произведение XX столетия.

Фамилия «Толкин» (произносится «Тол-кин» с ударением на оба слога), вероятно, немецкого происхождения; *Toll-kühn*: «отчаянно храбрый», или «бестолково умный» — отсюда псевдоним «Оксюмор», который он иногда использовал. Его предки со стороны отца эмигрировали в Англию из Саксонии, по всей видимости, в XVIII веке, но уже за полтора столетия до его рождения сделались англичанами до мозга костей. Безусловно, отец Толкина, Артур Руэл Толкин, считал себя англичанином — и никем иным. Он был банковским служащим и, чтобы продвинуться по службе, в 90-х годах XIX века уехал в Южную Африку. Вслед за ним туда приехала его невеста, Мэйбл Саффилд, которая происходила из семьи не просто исконно английской, но к тому же и с незапамятных времен проживавшей в Западном Мидлендсе, в Вустершире. Так что Джон Рональд Руэл («Рональд» или «Джон Рональд» для родственников и близких друзей) родился в Блумфонтейне, в Южной Африке, 3 января 1892 г. Воспоминаний об Африке у него почти не сохранилось, но те, что остались, были очень яркими, как например, укус огромного волосатого паука, и до некоторой степени повлияли на его творчество. Воспоминаний было мало, поскольку 15 февраля 1896 г. его отец умер, и он вместе с матерью и младшим братом Хилари вернулся в

Англию, точнее, в Западный Мидлендс.

Западный Мидлендс во времена детства Толкина представлял собой смешение мрачного индустриального города Бирмингема, и наиболее типичной сельской Англии — Вустершира и его окрестностей: район р. Северн, расположенный почти на границе с Уэльсом, родина композиторов Элгара, Воан-Уильямса и Гарни и чуть дальше поэта А. Э. Хаусмена. Жизнь Толкина протекала между этими двумя пейзажами: расположенной примерно в миле от южной окраины Бирмингема пасторальной деревушкой Сэрхоул с мельницей, и самым дымным и грязным Бирмингемом, куда, в конечном счете, его отправили учиться в школу короля Эдуарда. К тому времени семье пришлось переехать в Кингз-Хит, в дом, торцом выходящий на железную дорогу — развивающееся лингвистическое воображение юного Рональда поразили вид вагонов с углем, приходящих и отбывающих в Южный Уэльс, на которых станциями назначения значились «Nantyglo», «Penrhiwceiber» и «Senghenydd».

Позже семейство переехало в чуть более симпатичный бирмингемский пригород Эджбастон. Однако к тому времени произошло событие настолько важное, что из-за него все родственники с обеих сторон стали относиться к Мэйбл и ее детям крайне враждебно: в 1900 г. вместе со своей сестрой Мэй она приняла католичество. С тех пор и Рональд, и его младший брат Хилари воспитывались как набожные католики, и сохранили верность католической церкви на протяжении всей своей жизни. Приходской священник, регулярно посещавший семью, отец Фрэнсис Морган был наполовину валлиец, на четверть англичанин и на четверть испанец.

Жизнь семьи Толкинов протекала на грани благородной нищеты. Однако в 1904 г. положение резко ухудшилось, когда врачи поставили Мэйбл Толкин диагноз: диабет, в то время неизлечимый. В том же году 15 октября она умерла, оставив двух осиротевших мальчиков фактически без средств к существованию. Заботу как о материальном, так и о духовном их благосостоянии принял на себя отец Фрэнсис, хотя почти сразу же они поселились у своей овдовевшей тетушки Беатрис Саффилд, сдавшей им внаем комнату под самой крышей своего мрачного дома на Стерлинг-Роуд, длинном переулке в Эджбастоне. В начале 1908 г. братья переехали в пансион миссис Фолкнер.

К тому времени Рональд уже проявил незаурядные лингвистические способности. Он преуспел в латыни и греческом, которые являлись краеугольными камнями тогдашнего гуманитарного образования, и становился первоклассным специалистом по множеству других языков, как современных, так и древних. В особенности его привлекали готский, а затем финский. Ради забавы он тогда же уже начал изобретать и свои собственные языки. В школе короля Эдуарда Рональд сдружился со многими ребятами; в последних классах они регулярно встречались после занятий, организовав неофициальное объединение ЧКБО («Чайный Клуб», «Барровианское общество», названное так, поскольку встречи его проходили в чайной магазина Бэрроу на Корпорейшн-Стрит). Члены общества состояли в тесной переписке и продолжали обмениваться друг с другом литературными работами и оценивать их вплоть до 1916 г.

Однако возникло другое осложнение. Среди квартирантов в пансионе госпожи Фолкнер жила девушка по имени Эдит Брэтт. Рональду было 16, а ей 19, между ними завязалась дружба, которая мало-помалу крепла. В итоге отец Фрэнсис вынужден был вмешаться и запретить Рональду видаться или даже переписываться с Эдит на протяжении трех лет, до тех пор, пока ему не исполнится 21 год². Рональд стоически повиновался этому запрету и выполнял его в точности. В 1911 г. он получил классическую стипендию в Экстер-Колледже — в одном из старейших колледжей Оксфордского университета, где и оставался, углубленно изучая классические языки, древнеанглийский, другие германские (в особенности готский), валлийский и финский вплоть до 1913 г., когда стремительно, хотя и не совсем гладко, вновь восстановил свои отношения с Эдит. Вслед за этим он сдал первый из двух экзаменов на степень бакалавра «онор-

модерейшнз»³, получив не слишком высокую вторую степень по классическим предметам, хотя по его специальности, сравнительному языковедению, оценка была высшей — «альфа с плюсом». В результате он перешел с классического отделения на более близкий ему факультет английского языка и литературы. Среди прочитанных им за время учебы текстов на древнеанглийском была англосаксонская религиозная поэма «Христос» Кюневульфа. Две загадочные строки из этой поэмы поразили воображение молодого Толкина:

Eála Earendel engla beorhtast
Ofer middangeard monnum sended

«Привет тебе, Эарендель, светлейший из ангелов,/Над Средиземьем людям посланный». («Middangeard» — древнеанглийское название для населенных людьми земель между Небесами над ними и Адом под ними.)

Это вдохновило его на несколько самых ранних и смутных попыток осмысления мира древней красоты в стихотворной форме.

Летом 1913 г. в качестве наставника и воспитателя при двух мальчиках-мексиканцах Рональд отправился во Францию, в курортный городок Динар в Бретани. Эта поездка закончилась трагедией, и, хотя вины Рональда в том не было, но это лишь усилило и ранее существовавшую у него неприязнь к французскому языку и всему французскому в целом.

Тем временем отношения с Эдит налаживались. Она перешла в католичество и переехала в Уорик, расположенный неподалеку от ее родного Бирмингема. Уорик порастил Рональда своим величественным замком на холме и красотой окружающего сельского пейзажа. Однако по мере сближения этой пары, нации все больше соперничали друг с другом и в итоге в августе 1914 г. вспыхнула война.

В отличие от большинства своих современников, Толкин не поспешил завербоваться в армию сразу же после объявления войны. Наоборот он вернулся в Оксфорд, где упорным трудом заслужил, наконец, отличие первого класса в июле 1915 г. Одновременно с этим он пробовал писать стихи и разрабатывал языки, в особенности тот, которому он придумал название «квенья» [Qenya⁴], возникший под сильным влиянием финского, но Толкину по-прежнему не хватало связующего звена, способного соединить его яркие, хотя и противоречивые образы в единое целое. В конце концов, Толкин все же записался добровольцем в армию и получил чин младшего лейтенанта в полку Ланкаширских стрелков. Одновременно с этим у него возникла идея «Песни об Эаренделе» [sic], в которой описывались скитания Эаренделя-Морехода, ставшего звездой. На протяжении нескольких утомительных и однообразных месяцев Толкина вместе с его батальоном перебрасывали из лагеря в лагерь, в основном в пределах Стаффордшира. Наконец выяснилось, что вскоре его полк должны отправить во Францию, и тогда Рональд и Эдит решили пожениться. Венчание состоялось 22 марта 1916 г. в католической церкви в Уорике.

Толкин оказался в гуще военных действий на Западном фронте как раз в тот момент, когда произошло крупное наступление англо-французских войск на р. Сомме. После четырех месяцев

окопов и атак, по большей части бесплодных, его скосила «окопная лихорадка», инфекционное заболевание наподобие сыпного тифа, весьма распространенное в антисанитарных условиях войны. В начале ноября больного посадили на корабль, идущий в Англию, и весь следующий месяц он провел в госпитале в Бирмингеме. К Рождеству Толкин оправился достаточно, чтобы выписаться из госпиталя и поехать с Эдит в Грейт-Хейвуд в Стаффордшире.

За эти несколько прошедших месяцев все его близкие друзья по ЧКБО, за исключением Кристофера Уайзмана, были убиты на фронте. Отчасти в память о них, но также и в качестве ответной реакции на тяжкий военный опыт, «в бараках, под богохульства и непристойности, или при свете свечи в круглых палатках, а кое-что так даже в блиндажах под артиллерийским обстрелом» (Письма, № 66) он начал облекать свои истории в упорядоченную форму. Для зарождающегося мифологического цикла Толкин выбрал название «Книга утраченных сказаний» (издана после его смерти), в которой многие основные темы «Сильмариллиона» появляются в своем первоначальном варианте: сказания об эльфах и «номах», (т.е. обладающих знаниями эльфах, позже названных «нолдор»), с их языками «квенья» и «голдогрин». Там же представлены ранние версии повествований о войнах с Морготом, осаде и падении Гондолина и Нарготронда, а также сказаний о Турине и о Берене и Лутиэн.

На протяжении 1917-1918 гг. его болезнь периодически возобновлялась, и благодаря этому Толкина так и не отправили назад на фронт. В промежутках между ее обострениями Рональд служил в различных военных лагерях на территории Англии, что позволило ему получить чин лейтенанта. В то время его полк размещался в г. Гулле, а Эдит поселилась в меблированных комнатах в Русе, деревне к северу от устья Хамбера и неподалеку от военного лагеря. В те дни, когда Толкину давали увольнительную, они с Эдит ходили гулять в лесок близ Руса, заросший болиголовом, и много бродили там. Она пела и танцевала для него в лесу, и так родилась история о смертном человеке Берене, полюбившем бессмертную эльфийскую деву Лутиэн Тинувиэль, ставшая центральной темой его «легендариума». Эдит он представлял в образе Лутиэн, а себя в образе Берена. К тому времени 16 ноября 1917 г. у них уже родился первенец — Джон Фрэнсис Руэл (ставший затем священником — отцом Джоном Толкином).

Когда 11 ноября 1918 г. был подписан мирный договор, Толкин обратился к армейскому начальству и получил разрешение поселиться в Оксфорде «с целью завершения образования», а к моменту демобилизации он получил должность помощника лексикографа в редакции «Нового словаря английского языка» («Оксфордский словарь английского языка»), а затем принял участие и в его составлении. С головой погрузившись в серьезную филологическую работу, Толкин, тем временем, продолжал писать «Книгу утраченных сказаний» и даже представил на суд публики одну из ее частей — прочел «Падение Гондолина» в Эссеистском клубе Эксетер-Колледжа. Студенческая аудитория приняла его хорошо. Среди этих студентов были два молодых человека по имени Невилл Когхилл и Хью Дайсон, будущие «Инклинги». Но в редакции «Нового словаря английского языка» Толкин проработал недолго. Летом 1920 г. он выставил свою кандидатуру на весьма престижную должность преподавателя (ридера — что приблизительно соответствует помощнику профессора) английского языка в университет Лидса, и, к немалому своему удивлению, был на нее принят.

В Лидсе, одновременно с преподаванием, Толкин в сотрудничестве с Э. В. Гордоном подготовил новое издание среднеанглийской поэмы «Сэр Гавайн и Зеленый Рыцарь», и продолжал писать и совершенствовать «Книгу утраченных сказаний», а также разрабатывать свои «эльфийские» языки. Кроме того, вместе с Гордоном они основали среди студентов «Клуб викингов», который собирался главным образом для того, чтобы пить пиво в больших количествах, читать саги и распевать шуточные песни. Именно для этого клуба предназначались написанные Толкином и Гордоном «Песни для филологов», смесь фольклорных стихков и

застольных песен, переведенных на англосаксонский, древнеисландский и готский, так, чтобы они ложились на традиционные английские мелодии. В Лидсе также родились еще двое сыновей Толкина: Майкл Хилари Руэл в октябре 1920 г. и Кристофер Руэл в 1924 г. Когда в начале 1925 г. освободилась должность профессора англосаксонского языка имени Ролинсона и Бозуорта⁵ в Оксфорде, Толкин успешно прошел конкурс и был на нее принят.

3 Профессор Толкин, "Инклинги" и хоббиты

Вернувшись в Оксфорд в качестве профессора, Толкин, в некотором смысле, возвратился домой. Хотя он и не строил особых иллюзий насчет университетской жизни как оплота науки не от мира сего (см., например, Письма, № 250), по характеру, однако, Толкин был доном из донов⁶, и прекрасно вписывался в этот, по большей части мужской, мир преподавания, исследований, обмена идеями в дружеском кругу и редких публикаций. И действительно, количество его научных публикаций совсем невелико, настолько, что сейчас было бы расценено как совершенно неудовлетворительное для специалиста такого уровня.

Однако его редкие научные публикации, в первую очередь лекция «"Беовульф": чудовища и критики», становились настоящим событием в научной жизни. Комментарии Толкина, сделанные словно бы мимоходом, порою способствовали кардинальному изменению восприятия специфической области знания, как например, эссе под названием «Английский и валлийский», в котором объясняется происхождение термина «валлийский» и упоминается фоноэстетика (обе эти лекции собраны в имеющемся в продаже сборнике «Чудовища и критики и другие эссе»). Его академическая жизнь во всех остальных отношениях была ничем не примечательна. В 1945 г. он сменил должность, став профессором английского языка и литературы в Мертон-Колледже, на которой и оставался вплоть до ухода на пенсию в 1959 г. Помимо всего вышеперечисленного, он преподавал студентам, и играл важную, но все же не выдающуюся роль в определении учебной политики колледжа и в его управлении.

Жизнь его семейства была столь же малособытийной. В 1929 г. Эдит родила последнего ребенка и единственную их дочь, Присциллу. У Толкина стало доброй традицией ежегодно писать детям иллюстрированные письма якобы от лица Санта Клауса. Подборка этих писем была опубликована в 1976 г. под названием «Письма Рождественского Деда». Он также постоянно рассказывал детям на ночь длинные сказки, прерываясь на самом интересном месте и продолжая рассказ на следующий день. Повзрослев, Джон стал священником, Майкл и Кристофер воевали в составе Королевских Военно-воздушных сил. Впоследствии Майкл стал школьным учителем, Кристофер университетским преподавателем, а Присцилла — социальным работником. Толкины мирно жили в северной части Оксфорда, а в 1953 г. переехали в Хедингтон — тихое восточное оксфордское предместье.

Однако общественная жизнь Толкина была куда более насыщенной. Очень скоро он стал одним из основателей неформального кружка оксфордских друзей (отнюдь не все они работали в университете), объединенных общими интересами и ставших известными как «Инклинги»⁷. Название было выбрано просто-напросто в шутку — оно одновременно ассоциировалось с сочинительством и звучало в англосаксонском духе. Не существует доказательств высказываемому иногда утверждению, будто члены группы получили «крупницу, смутное ощущение» («inkling») Божественной природы. Среди видных членов клуба были уже

упоминавшиеся раньше Невилл Когхилл и Хью Дайсон, а также Оуэн Барфилд, Чарльз Уильямс, и в первую очередь К. С. Льюис, который стал одним из самых близких друзей Толкина, и за чей возврат к христианству Толкин нес, по крайней мере, частичную ответственность. Инклинги регулярно собирались, чтобы побеседовать, попить пивка, и прочесть друг другу те произведения, над которыми в данный момент работали.

А Толкин тем временем продолжал разрабатывать свою мифологию и языки. Как уже говорилось, он постоянно сочинял сказки для детей, часть из которых, например «Мистер Блисс» и «Роверандом», были изданы после его смерти. Однако однажды, когда, по его словам, он занимался привычным изматывающим трудом — проверкой экзаменационных работ, в одной из них в самом конце он наткнулся на чистую страницу. На ней, подстрекаемый невесть каким бесом озорства, Толкин написал: «В норе под землей жил-был хоббит».

Затем в присущей ему манере, Толкин решил, что ему непременно надо разузнать, что это за хоббит, почему жил он в норе, что это была за нора и все такое прочее. Из этого исследования выросла история, которую он пересказал своим младшим детям, и даже показал близким друзьям. В 1936 г. неоконченный машинописный текст сказки случайно попал в руки Сьюзен Дагналл, одной из сотрудниц издательства «Аллен энд Анвин» (в 1990 г. оно объединилось с «ХарперКоллинз»).

Сьюзен попросила Толкина закончить сказку, а когда это было сделано, передала готовую версию Стэнли Анвину, тогдашнему главе издательства. Анвин полагал, что лучше всего судить о детских книгах могут дети, и потому дал прочитать «Хоббита» своему десятилетнему сыну Рейнеру, который написал на него одобрительную рецензию. В результате в 1937 г. «Хоббит» был издан, приобрел необыкновенную популярность и с тех пор уже не исчезал из списков детских бестселлеров. Успех был настолько ошеломляющим, что Стэнли Анвин спросил у Толкина, нет ли у него еще каких-нибудь подобных историй, годных для публикации.

К тому времени Толкин начал приводить свой легендарииум в более доступный, как ему казалось, вид, и как он сам отмечал позже, некоторые намеки на него просочились также и в «Хоббита». Полное название этого легендарииума теперь было «Квента Сильмариллион», или просто «Сильмариллион» для краткости. Толкин послал Анвину несколько относительно «законченных» сказаний цикла, а тот отдал их внутреннему рецензенту издательства. Его реакция была неоднозначной: рецензент довольно резко отозвался о рифмованных частях поэмы, но похвалил прозаическую версию истории Берена и Лутиэн. Однако же на окончательное решение повлияло то, что на коммерческий успех подобного издания вряд ли можно было бы рассчитывать. Анвин тактично передал этот ответ Толкину, и одновременно вновь поинтересовался у него, не желает ли он написать продолжение к «Хоббиту». Толкина разочаровал очевидный провал затеи издать «Сильмариллион», но он принял предложение и начал работать над «Новым Хоббитом».

Очень быстро это продолжение превратилось в нечто гораздо большее, чем детская сказка. Весьма запутанная, создававшаяся на протяжении 16 лет история, в которую вылился «Властелин Колец», оказалась тесно связана с «Сильмариллионом», отчасти унаследовав его высокий смысл и возвышенный стиль. Достаточно сказать, что повзрослевший к тому времени Рейнер Анвин,

прочтя в сентябре 1947 г. почти завершенную рукопись, был глубоко увлечен этим творением, отнесся великодушно к ее медлительному и темпераментному автору. Толкин уже пытался однажды предложить «Властелина Колец» и «Сильмариллион» конкурирующему издательству, которое поначалу весьма заинтересовалось проектом, но столь же быстро отказалось от него, увидев увесистую пачку рукописей. Именно содействию Рейнера Анвина обязаны мы тем, что книга вообще была издана — *Andave laituvames*⁸! Фирма его отца смирилась с вероятной потерей 1 000 фунтов ради *succès d'estime*⁹ и в течение 1954-1955 гг. выпустила роман, разделив его на три части, под общим названием «Властелин Колец». Права на издание в Америке получило также издательство «Houghton Mifflin». Вскоре стало очевидно, что и сам автор, и издатели слишком сильно недооценивали привлекательность книги для широкой публики.

«Властелин Колец» незамедлительно получил широкий общественный резонанс. Рецензии были самыми разнообразными, от крайне восторженных и хвалебных (У. Х. Одена, К. С. Льюиса) до совершенно разгромных (Э. Вильсона, Э. Мьюира, П. Тойнби). По третьей программе Би-би-си прошла предельно сжатая радиоинсценировка *ВК* в 12 эпизодах. В 1956 г. радио все еще оставалось ведущим средством массовой информации в Великобритании, а третья программа считалась «интеллектуальным» каналом. О потере денег не было и речи — доходы от продаж книги настолько превысили затраты на нее, что Толкин даже пожалел, что не ушел на досрочную пенсию. И это при том, что пока книгу выпустили только в твердом переплете.

Поистине переломным моментом стал выход в 1965 г. в Америке пиратского издания «Властелина Колец» в мягкой обложке. Мало того, что книга сразу попала в разряд общедоступных по цене, — кампания за признание авторских прав также послужила отличной рекламой и подготовила миллионы американских читателей к появлению чего-то совершенно для них нового и непривычного, но при этом вполне отвечающего тогдашним настроениям. К 1968 г. «Властелин Колец» стал почти что Библией «Альтернативного общества».

Такой поворот событий был воспринят автором неоднозначно. С одной стороны, ему весьма льстило внимание публики и совершенно неожиданно для себя он изрядно разбогател. Но с другой стороны, ему прискорбно было видеть тех, для кого Великое Приключение сводилось к тому, чтобы проглотить одновременно *ВК* и таблетку ЛСД. Подобное же происходило и с «Космической одиссеей 2001 года» Артура Ч. Кларка и Стэнли Кубрика. Фанаты все больше досаждали Толкину — и те, кто приезжал поглазеть на его дом, и те, в особенности жители Калифорнии, кто звонил ему в 7 часов вечера по их времени и в 3 часа ночи по его, с требованием рассказать, удачей или поражением закончился Квест Фродо, какой будет форма прошедшего времени квеньяского глагола *lanta-* и есть ли у балрогов крылья. Так что Толкину пришлось сменить адрес, номер его телефона исчез из справочников, а в итоге он и Эдит переехали в Борнмут, симпатичный, но ничем не примечательный курортный городок на южном побережье («Сандборн» Харди¹⁰), куда стекалось множество состоятельных пожилых англичан.

Тем временем культ, не только Толкина, но и всего жанра фэнтези, который благодаря его книге получил мощный толчок к развитию (что привело в смятение самого писателя), стремительно набирал обороты — но это уже совсем иная история, заслуживающая отдельного рассказа.

Несмотря на шумиху, поднявшуюся вокруг «Властелина Колец», в период с 1925 г. и вплоть до своей смерти Толкин написал и издал ряд статей и лекций, среди которых были разнообразные филологические эссе, многие из них вошли в упоминавшийся уже сборник «Чудовища и критики и другие эссе»; «Приключения Тома Бомбадила» — сборник стихов Средиземского цикла; издания и переводы среднеанглийских трактатов и поэм «Ancrere Wisse»¹¹, «Сэр Гавайн и Зеленый Рыцарь», «Сэр Орфео» и «Перл», а также комментарии к ним. Не стоит забывать и о произведениях, не имеющих отношения к Средиземью, таких как «Имрам», «Возвращение Беорхтнота, сына Беорхтхельма», «Баллада об Аотру и Итрун» и, в первую очередь, «Фермер Джайлс из Хэма», «Лист Ниггля» и «Кузнец из Большого Вуттона».

Со смертью Толкина волна публикаций приостановилась лишь ненадолго. Долгожданный «Сильмариллион» под редакцией Кристофера Толкина вышел в 1977 г. Вслед за этим в 1980 г. Кристофер опубликовал подборку незавершенных произведений своего отца, написанных им в последние годы жизни, под названием «Неоконченные предания Нуменора и Средиземья». В предисловии к этому изданию Кристофер Толкин вскользь упомянул о «Книге утраченных сказаний», говоря, что она сама по себе «является чрезвычайно важным произведением и представляет огромный интерес для читателя, интересующегося происхождением Средиземья, но для того, чтобы представить ее вниманию читателей (если это вообще стоит делать), потребуются длительная и разносторонняя работа»¹².

Объемы продаж «Сильмариллиона» явились большим сюрпризом для владельцев издательства «Джордж Аллен энд Анвин», а успех «Неоконченных преданий» удивил их еще больше. Уже не вызвало сомнений, что имеется спрос даже на столь трудный для восприятия материал, так что издатели рискнули все же проделать эту «длительную и разностороннюю работу». На поверку она заняла еще больше времени и оказалась намного сложнее, чем предполагали, но издание 12-томной «Истории Средиземья» под редакцией Кристофера Толкина себя полностью оправдало. (С момента начала выпуска этой серии в 1983 г. и вплоть до выхода в мягкой обложке 12 тома «Народы Средиземья» в 1997 г., издательство несколько раз переходило из рук в руки и меняло название).

Выйдя на пенсию в 1959 г. Рональд вместе с Эдит переехали в Борнмут. 22 ноября 1971 г. Эдит умерла, а Рональд вскоре вернулся назад в Оксфорд и поселился в квартире, предоставленной ему Мертон-Колледжем. Рональд умер 2 сентября 1973 г. Он и Эдит похоронены вместе в одной могиле на участке для католиков муниципального кладбища в Вулверкоге, в северном предместье Оксфорда. (У входа на кладбище имеется указатель). Надпись на простой серой плите из корнуэльского гранита гласит:

Эдит Мэри Толкин, Лутиэн, 1889-1971
Джон Рональд Руэл Толкин, Берен, 1892-1973

Литература:

Дж. Р. Р. Толкин. Письма / Под ред. Х. Карпентера; пер. С. Лихачевой — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2004.

J. R. R. Tolkien. The Monsters and the Critics and Other Essays / Ed. Christopher Tolkien. — George Allen and Unwin, London, 1983.

Более подробно см.:

Х. Карпентер. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Пер. с англ. А. Хромовой под ред. С. Лихачевой. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002

Humphrey Carpenter. The Inklings: C. S. Lewis, J. R. R. Tolkien, Charles Williams, and their friends. — George Allen and Unwin, London, 1978.

Более подробную информацию об изданных произведениях Толкина и исследованиях о нем можно найти в библиографическом разделе сайта Британского Толкиновского общества.

Примечания

¹ При переводе оригинальный английский текст был немного изменен и расширен по согласованию с автором.

Переводчик выражает искреннюю признательность Дэвиду Дагану, Марии Аргамоновой, Светлане Лихачевой и Наталье Семеновой за неоценимую помощь в переводе данного очерка.

² Вплоть до второй половины 60-х годов XX века совершеннолетними в Англии считались люди, достигшие 21 года. Только начиная с этого возраста, они становились полноценными гражданами: получали избирательные права, возможность заниматься бизнесом, вступать в брак без согласия родителей или опекунов, а также начинали нести ответственность перед законом.

³ В экзамен «онор-модерейшнз» («Honour Moderations»), как и в большинство оксфордских экзаменов, входит ряд письменных работ по различным предметам, имеющим отношение к теме, изучаемой кандидатом. В зависимости от результатов экзамена кандидату присуждаются степени отличия, от первой до четвертой (первая — высшая).

⁴ Первоначальное название языка было *Qeуа*, впоследствии написание изменилось на *Qeuуа*, произносятся оба эти слова одинаково.

⁵ Профессорские должности в Оксфорде и Кембридже как правило существуют на «вклады»: то есть, учреждаются благотворителем (обычно богатым ученым), который создает фонд, а из этого фонда оплачивается жалование профессору. Поэтому должности зачастую названы в честь учредителя фонда. Профессорская должность Ролинсона была учреждена в 1755 г. на пожертвование, оговоренное в завещании Ричарда Ролинсона, богатого антиквара и коллекционера. В 1860 г. Джозеф Бозурт присовокупил к данному фонду еще и свой вклад (Бозурт, специалист по англосаксонскому, сам занимал должность Ролинсона в 1858 г.), а к названию должности прибавил свое имя (прим. Светланы Лихачевой к переводу «Писем» Толкина).

⁶ Преподаватель в Оксфордском (или Кембриджском) университете.

⁷ Перевести это название не представляется возможным. Само по себе слово «inkling» означает «намеки». Но Толкин с Льюисом не могли не принимать в расчет сходства этого названия со словом «Инглинги» (т. е. «потомки Инга», королевский род Норвегии), а также созвучного слова «ink» («чернила»), так что слово «Инклинги» можно перевести также и как «чернильные души».

⁸ Мы будем долго восхвалять его (квенья).

⁹ Успех из уважения (фр.)

¹⁰ Томас Харди (1840-1928) — английский поэт и прозаик. В одном из его романов «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» описывается курортный городок Сандборн на Ла-Манше.

¹¹ «Ancrene Wisse» (или «Ancrene Riwe») — прозаическое наставление для отшельниц, написанное около 1200 г. на среднеанглийском языке; изобилует аллегориями и назидательными примерами.

¹² Дж. Р. Р. Толкин. Неююнченые предания Нуменора и Средиземья / Под ред. К. Р. Толкина; Перевод А. Хромовой, С. Лихачевой, О. Степашкиной, Н. Некрасовой, С. Таскаевой, В. Солововой, М. Авдониной, И. Емельяновой, С. Лопуховой под общей редакцией А. Хромовой. Издано при участии ТТТ. — М., 2002. — с. 6.

Это название вызвало смятение в кругах толкинистов, поскольку объяснению оно упорно не поддается. На карте Англии ничего подобного не встречается. Ассоциация с именем гнома Двалина, которое Джим Аллан² трактует как *Torpid* [бездеятельный, вялый, апатичный], была вполне обоснованно отклонена многочисленными исследователями Толкина как абсолютно неприемлемая основа для ширского географического названия.

Большинство попыток обнаружить этимологию слова *Dwaling*, фокусируясь на первом элементе, заканчивались ничем, они спотыкались, в первую очередь, о его значение в древнеанглийском и некоторых других германских языках. Но если вначале посмотреть на окончание этого названия, то все оно целиком предстает в совершенно ином свете. В британских топонимах окончание *-ing* часто указывает на происхождение географического названия от имени определенного человека. Так называют место, населенное потомками (*-ing [-ович]*) его основателя — выдающегося предка (имя собственное). Например, Доддингтон (в Кембриджшире, Кенте, Линкольншире, Нортгумберленде, Шропшире) — это часто встречающееся в Англии название городов (*tun/dun* [ср. англ. *town*]), где жили потомки Додды; Уокинг (Суррей) — поселение людей Уокки; Бакингам (Бакингамшир) — дом (*ham* [ср. англ. *home*]) семейства Бакки; Биллингем (Стоктон-на-Тисе) — дом семейства Биллы.

Толкин любил обыгрывать имена. В конце концов, именно он назвал этимологию имени *Smaug* «филологической шуточкой низкого пошиба»³. Он рассказывал своим детям сказки, в которых действовали такие персонажи, как Билл Стикерс [Bill Stickers] и майор Роуд Эхед [Major Road Ahead]⁴, и писал: «У меня из имен всегда вырастают истории»⁵. Разумно предположить, что этимология названия *Dwaling* обыгрывала бы элементы легко узнаваемого для Толкина имени и могла бы пощекотать его филологическое чувство юмора, подобно его собственной фамилии на готском. В одном из писем Толкин рассказывал: «Я частенько делал в книгах “готские” надписи, порою “готизирую” мое скандинавское имя и немецкую фамилию как Ruginwaldus Dwalakóneis»⁶. Исходя из этого, *Dwaling* мог бы быть родовым поместьем семейства *Dwala(kóneis)*. Толкин, не отказался бы, пожалуй, и далее развить эту мысль. Этимология современного английского слова *dwelling* [жилье] обычно включает ссылки на прагерманское слово **dwaljan*, которое лингвистически связано с готской фамилией Толкина *dwala*. Это дает возможность рассказчику-лингвисту создать вымышленную этимологию и для *dwelling*, напоминающую о былом величии одного из его предков, столь прославленного, что его имя сохранилось — хотя и в измененной форме, понятной лишь лингвистам — в повсеместно используемом слове.

В процессе редактирования черновик этой статьи был показан Марии Артамоновой и ее мужу Николаю Яковлеву. Читая статью, Николай обратил внимание на то, что Dwaling расположен в северной части Восточного фартинга, и, скорее всего, находится на North Moors [Северных Пустошах], что идеально соответствовало бы местоположению фамильного поместья *Двалы (Толкина), поскольку Толкины жили на Northmoor Road [Нортмур-Роуд (буквально: Северопустошная дорога) в Оксфорде⁷. Несомненно, шутка от этого только выиграла бы и я не думаю, что Дж. Р. Р. Т. упустил бы подобную возможность. Мне эта шутка кажется намного более забавной, чем даже его объяснение происхождения имени Смауг.

Примечания:

¹ Переводчик выражает искреннюю признательность Марку Хукеру, Марии Артамоновой, Светлане Лихачевой и Наталье Семеновой за неоценимую помощь в переводе данной статьи.

² Jim Allan. An Introduction to Elvish. — Frome, Somerset: Bran's Head Press, 1978. — с. 222.

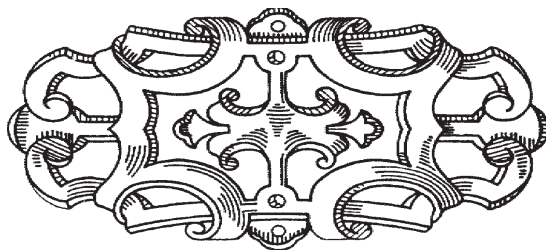
³ J.R.R. Tolkien Letters. — Boston: Houghton Mifflin, 1981. — с.31. Пер. Светланы Лихачевой.

⁴ В обоих случаях – непереводаемая игра слов. Это персонажи незаписанных сказок Толкина о неукротимом злодее и добродетельном человеке, который неумолимо преследовал злодея. Имя Bill Stickers было взято из повсеместно встречающейся таблички: «BILL STICKERS WILL BE PROSECUTED», что означает «Расклейка объявлений преследуется по закону»; но если прочесть «BILL STICKERS» как имя собственное (что по-английски вполне допустимо, поскольку Билл – одновременно означает и *плакат*, и мужское имя), получится «Билл Стикерс предстанет перед судом». «Major Road Ahead» – не что иное, как дорожный знак «Впереди большая дорога», но слово «majog» может означать также и «майор», и тогда слова «Road Ahead» становятся именем собственным, вполне подходящим для отважного майора.

⁵ Х. Карпенгер. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Пер. с англ. А. Хромовой под ред. С. Лихачевой. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — с. 271.

⁶ J.R.R. Tolkien Letters. — Boston: Houghton Mifflin, 1981. — с.357. Пер. Светланы Лихачевой.

⁷ Х. Карпенгер. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Пер. с англ. А. Хромовой под ред. С. Лихачевой. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — стр. 176.

НАТАЛЬЯ ГЕДА

Отзыв о кинофильме "Властелин колец"

Что такое «дух толкиновских книг»? Понятие хотя и расплывчатое, однако часто употребляемое. Посмотрев третью серию джексоновского фильма, я наконец сформулировала это таким образом: «дух толкиновских книг» – это то, что делает осмысленным и живым всю эту идиотскую выдумку про кольца, вулканы, хороших карапузов и плохих уродов. В кино я пережила эффект остранения – и поняла, почему критики, о которых так много пишет Шиппи, так ругают Толкина. Будучи невосприимчивыми (по какой-то своей причине) к духу (не столько толкиновских книг, сколько, видимо, к духу вообще), они видят во «Властелине» только ЭТО – только голую поверхность. Я даже забыла о том, что знаю книжку наизусть и смотрела кино как будто «с чистого листа» – и вскоре перестала понимать вообще, что там происходит. Кто эти люди? Что они делают? Почему эти – хорошие, а те – плохие? Куда и зачем они все бегут? Ну, и т.д. Причем, как мне показалось, та же болезнь поразила к концу съемок и всю команду Джексона. На лицах актеров неоднократно читалась растерянность: ой, что это я? Ах да, я ж типа Арагорн... Ой, а это что? Кольцо? И что с ним делать прикажете? Ах, да, надо бросить в вулкан... быстрее, быстрее, а то надоела эта ерунда хуже горькой редьки...

Предыдущие две серии нас куда-то заманивали и чего-то обещали, как бы подмигивая глазом: что, не понимаешь, о чем речь? Еще поймешь, это не конец...И вот конец случился – и что? Стало окончательно и бесповоротно ясно, что в фильме полностью отсутствует здравый смысл и элементарная человеческая логика, не говоря уже о Смысле с большой букве, а Дух вообще не упоминая всуе. Все действие висит в воздухе. Ни один поступок не мотивирован. Почему один поступает так, а другой эдак – ни и из чего не следует. Как отличить хороших от плохих? Хорошие – они такие глянцево-пухляки с глазками, а плохие – генетические уроды. Почему и как они дошли до жизни такой – тайна за семью печатями. Возня вокруг кольца поражает своим идиотизмом. В первой серии в нем (в кольце) все-таки было что-то загадочное и страшноватое, особенно когда Бильбо его роняет на пол и оно падает непомерной, страшной тяжестью: блямс!.. А потом Гэндальф наклоняется его поднять, а оно вдруг оскаливается зубастой пастью. Ну, старался человек что-то такое показать. Хотя бы пытался. Третья серия: эпизод Деагола со Смеаголом – тошнотворное зрелище: два дегенеративного вида существа убивают друг друга за маловразумительное ювелирное изделие самоварного золота, производство – Турция. В чем пафос? Неизвестно. И вдвойне противно, что Джексон кивает на Толкина – мол, это я все снял, как у того чувака в шляпе и с трубкой написано. В полном, т. ск., почтении к оригиналу. Но блин! (Хочется выразиться более энергично). Если ты взялся снимать кино о Кольце Всевластия, то ты должен иметь хотя бы отдаленное представление о том, что это может быть такое.

Я не понимаю, зачем Джексон взялся экранизировать ВК. После второй серии у меня была надежда, что у него есть концепция – ну, были там интересные сцены, но теперь видно, что это у него случайно получилось. Он «ничего такого» в виду не имел! И вообще ничего не имел! Столько денег, человеческого труда, такие декорации, массовка, столько надежд – и все ухнуло в какую-то прорву – ради чего? Когда-то у меня блеснула безумная надежда, что Джексон был инспирирован светлыми силами – чтобы сделать Толкина интересным максимальному числу людей, теперь меня беспокоит другая мысль – нет ли в этом противоположного замысла? Может,

это, наоборот, широкомасштабная акция *против* Толкина? Предпринятая с целью развенчить «величайшую книгу столетия» и продемонстрировать всему миру убогость ее замысла? Я понимаю, что впадаю в противоположную крайность, и что Господь, безусловно, придумает, как обернуть этот вред на пользу, но все же, все же, все же..

В фильме нет главного – нет Духа. Нет провидения, которое у Толкина незримо, но от этого не менее красноречиво пронизывает каждый абзац текста. Это провидение у Толкина есть система законов (типа законов природы – у нас), которые держат ткань повествования и не дают ей рассыпаться на сборище разнородных эпизодов. Закон всемирного тяготения не написан мелом на асфальте, но именно он позволяет по этому асфальту ходить... Закон провидения посылает Кольцо Всевластия именно Бильбо и Фродо; он же доводит историю до Счастливого конца... Где у Джексона счастливый конец? Тот, о котором пишет Толкин, который мы через текст «Властелина Колец» – узнаем? От которого сердце рвется на части, а потом, когда склеивается обратно, оказывается, что оно гораздо живее, чем раньше? Не ищите – не найдете. Зато там есть много красивых декораций. Костюмов. Доспехов. Оружия. Батальных сцен. Масштабных панорам. То есть – плоти. Хотели увидеть точную реконструкцию Шира-Заселья? Извольте. Гадали, как выглядит Минас-Тирит – нате вам! Не могли представить лица персонажей – любуйтесь!

Спасибо, что-то не хочется...

Переходим к самому грустному – к персонажам. Это важно.

Потому что фильм Джексона красноречиво доказал, что центральные персонажи «Властелина Колец» – Сэм и Фродо. А центральная тема – любовь (что бы не говорили недоуменные критики, им можно только посочувствовать). А доказал он это «от противного» – тем, что в фильме этого нет. И этого мучительно не хватает – после Смысла – больше всего.

Линию Фродо и Сэма, как легко заметить, все критики – как дружественные, так и «враждебные» – старательно обходят, замалчивают, как говорится, «сливают». Как будто там «ничего такого» нет. Это поразительно: ну, ничего себе – несколько сотен страниц, посвященных самому потрясающему в мире «роману» – взять и слить, как будто ничего и не было! В этом смысле даже ненавидимые мною слэшеры – больной народ, видящий в любви Сэма к Фродо гимн гомосексуализму, кажутся мне более живыми и вменяемыми – они по крайней мере не отрицают того факта, что эта любовь имеет место быть! Что делает Джексон – это просто цирк. Не было бы так грустно – было бы смешно. Он-то обойти и замолчать этот факт не может – как-никак, экранизация. Что-то же Сэма и Фродо связывает, иначе зачем Сэм поперся за ним в Мордор? И вот Джексон начинает вертеться, как уж на сковородке. Про гомосексуальные инсинуации он, конечно, знает и боится, «как бы кто чего не подумал» просто до судорог. Он старательно демонстрирует Сэмову гетеросексуальность и заботится о том, чтобы слугу с хозяином всегда разделяло не менее чем два метра пространства. А что получается в результате? В результате причины, повлекшие Сэма за Фродо, оказываются совершенно непрозрачными, что вызывает подозрения, и чем далее – тем более прочные. Толкиновский Сэм говорит о том, что он любит Фродо, легко и не задумываясь ни на минуту, он целует ему руки и спит с ним в обнимку (в Мордоре, чтобы согреть). И Толкин это пишет черным по белому, нисколько не смущаясь всей этой «телесностью». И у него она совсем не телесная – эта плоть у него настолько пронизана духом, она так пронзительно духовна, что заподозрить в этих сценах сексуальные инсинуации может только больной ум. Между тем Джексон, видимо, думает, что все – больные и, краснея и стесняясь, начинает вымарывать из отношений Сэма и Фродо «крамолу». И конечно же, добивается прямо противоположного эффекта! Сэм ни разу за фильм не говорит про свои чувства к Фродо – зато кидает на него совершенно недвусмысленные «взоры» и закатывает безобразные сцены ревности по поводу Голлума. Это настолько тяжело, пошло и противно, что и писать не хочется. Толкин извинялся перед читателями за «вульгарность» своего Сэма (вот уж чего сейчас не видно и в бинокль!). Джексон за вульгарность своего Сэма не извиняется – наоборот, он считает, что его

Сэм – верх добродетели, «Сэмвайз Бравый» – о, ужас! Я уже писала год назад, и повторяю сейчас то, что в фильме видно невооруженным глазом – Сэм Гэмджи в траковке Джексона – тупой неосознанный гей! Который после потрясения, испытанного им на Ородруине, меняет сексуальную ориентацию и оказывается способным к «нормальной половой жизни». Извините за грубость, но то, что показал Джексон, называется именно так. После Саммат-Наура, когда Сэм и Фродо оказываются на каменном острове посреди лавы, Сэм вдруг начинает с рыданиями вспоминать Розу Коттон и воет, что очень хотел бы на ней жениться. На что Фродо ему говорит что-то типа: ну ничего, зато у тебя есть я... Но Сэм безутешен и даже не смотрит в его сторону. Приезжает в Заселье, и резво скачет жениться. У Джексона Фродо возвращается в Заселье как ни в чем не бывало, ходит с прежней детской физиономией и вполне доволен жизнью.

В Гавань они все едут провожать Бильбо, которые «один достоин чести уплыть на последнем эльфийском корабле». И вдруг, неожиданно для всех, Фродо говорит – все, ребята, я тоже уплываю. Все по-быстрому удивляются, потом также по-шуструму прощаются, и Фродо с крайне многозначительным взглядом (эх ты, изменщик!) целует Сэма в лоб. А потом конец фильма: Сэм приходит домой и вздыхает с ОБЛЕГЧЕНИЕМ! Ну, вот я и дома – жена, дети, Фродо уплыл – туда ему и дорога, конец ошибкам молодости! Достойный конец фильма о Кольце Всевластия. Натуральный хеппи-энд.

И надо сказать, джексоновский Фродо много и не заслуживает. А ведь поначалу он мог сойти чуть ли не за какого-то «героя нашего времени». Хотя... а вдруг он действительно ИМЕННО ТАКОЙ, герой этот? Тогда увы нам всем, и увы времени сему. Джексоновский Фродо – это «bad boy», порченный мальчишка, растение которого происходит на глазах у миллиардной аудитории. Если вырезать все эпизоды с Фродо и склеить их в некий самостоятельный сюжет, получится удушающая история, на уровне самых тяжелых образцов детской порнографии. Самое ужасное в нем, как и в Сэме – полное отсутствие самосознания. Он не понимает того, что с ним происходит, того, что с ним делают, он марионетка в руках «добротного дяди Гэндальфа» и всех тех, с кем встречается далее – Арагорна, Элронда, Фарамира, Голлума... Не понимает так же, как ребенок не понимает, что с ним делает насилующий его взрослый. Вторая серия – начавшийся распад личности, когда ребенок становится неосознанно-развратным, начинает «любить» то зло, которое его разрушило. Нет, не любить – он начинает его хотеть. В этом смысле очень правдива картинка с выставки «унеси меня, назгул» (из второй серии). Только, право слово, она не из той оперы!!! Она могла бы быть оправдана, если бы джексоновский Фродо в третьей серии вдруг «прозрел», – ведь, как пел классик, «всей душою праведной стремимся мы к добру – особенно проснувшись поутру». Но увы – ничего подобного не произошло, да и не с чего. Сэмова воспитательно-назидательная речь, после которой вроде бы произошло «осознание и просветление» у всех присутствующих в кадре, включая Голлума, остается без последствий. Никто не осознает ничего, в первую очередь сам Сэм. И в третьей серии мы видим то, что и должно было из всей этой истории выйти: безумие и распад. Совершенно непонятно, каким чудом эта тройка лунатиков добирается до места назначения. Они ссорятся из-за пустяков, безобразно и некрасиво дерутся с Голлумом и вообще ведут себя не как хоббиты, а как обкуренные уличные подростки-хулиганы. Сэм и Фродо абсолютно неадекватны. Голлуму положено быть плохим – поэтому он выпядит, честное слово, приличнее их обоих. Сэм отвратительно, по-орочьи груб и жесток. Фродо – просто безумен и находится в перманентном бреде. Понятно, что он погибшая личность и все, что ему светит – изолированная палата в психушке (в лучшем случае). В Саммат-Науре он кидается на Голлума во второй раз – уже с откушенным пальцем!!! Когда он висит на краю

обрыва, то никакого сочувствия не вызывает – наоборот, проскальзывает досада от того, что он не упал в лаву вместе со своим другом Голлумом – туда им обоим и дорога.

А в это время перед Черными Вратами Мордора идет, понимаете ли, последняя битва «сил добра» с «силами зла». И Арагорн кидается на врагов с огнем в очах и проникновенным криком «за Фродо!» Ступор и недоумение: за кого? За Фродо? Логика в поступках героев нет с первой серии, но к третьей ее отсутствие принимает катастрофические масштабы: сумасшедшими кажутся все. Пиппин – деревенский дурачок, «болван Тукк», и не становится другим ни на минуту. Джексон сделал все возможное, чтобы дискредитировать все его поступки, даже самые искренние и самостоятельные. Когда Пиппин, повинаясь порыву, падает на колени, чтобы принести Денетору присягу, Гэндальф грубо отпихивает его в сторону, затыкая ему рот на полуслове. Остальное – в том же духе. Гимли – дебил. Фарамир – тяжелый меланхолик. Денетор – буйный параноик, поэтому жестокий санитар-Гэндальф дубасит его магическим жезлом почему зря – а как еще обходиться с параноиками? Теоден – некрофил, потому что говорит (с нехорошим огнем в очах) исключительно о смерти и о том, как к ней надо стремиться. Арагорн страдает тяжелейшим комплексом неполноценности, поэтому все намеки на свое королевское достоинство принимает как насмешку, а в глазах появляется искреннее недоумение – король? Это вы к кому? КО МНЕ???

У Элронда галлюцинаторное расстройство и бред, дочь его Арвен – слабоумная самка (чего стоит ее остановка на пути в Гавань! «Я что-то забыла... что-то мы с Арагорном не сделали... Ах да, беби! Мы не сделали беби!» И – поскакала обратно). В общем, не фильм – а мечта студента-психиатра.

И над всем этим сумасшедшим домом царит Гэндальф Белый... В конце он превращается в фигуру по-настоящему зловещую. Он откровенно и беззастенчиво манипулирует всеми героями фильма: по сути, на нем весь этот парад уродов и держится. Не будь Гэндальфа, все они давно бы уже разошлись по своим делам (если они у них, конечно, есть). Ну, объективно, МакКеллан – самый сильный актер в фильме и на его игре держится фильм. А попутно вышло еще и это... То есть, зачем Саурона воевали, непонятно вовсе: вот он – Белый Властелин! Без кольца, а как хорош-то! Как он швыряет Денетора на погребальный костер – залюбуешься! Как принимает на себя оборону Минас-Тирита – не моргнув глазом, и главное – с САМЫМИ БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ! Иначе мы не побьем тех плохих парней из Мордора. А почему они плохие – забыто давно и прочно. В первой серии Око Саурона было довольно зловещим, здесь – это просто «прожектор перестройки» какой-то! Никакой мистики: просто маячок, шевелит огоньком так растерянно и в конце даже жалостно, испуганный такой... Что в нем страшного и «черного» – поди догадайся. В конце глазик лопается – довольно забавно, как воздушный шарик. Опять же – все это было бы смешно. Когда бы не было так грустно...

Возвратимся к теме любви во «Властелине». Генетически линия Фродо и Сэма восходит к линии Берена и Лютин в «Сильмариллионе». Это не бросается в глаза лишь потому, что в книге присутствует более «параллельная параллель» – Арагорн и Арвен. Действительно, в любви Арагорна к Арвен воскресает любовь Берена к Лютин. Только... В «Сильмариллионе» Берен сам совершает квест во имя любви и ведомый любовью. Квест Арагорна в «Властелине» полностью зависит от миссии Фродо. Арагорн не может нести кольцо в Мордор – мы узнаем об этом на совете Элронда. Таким образом, миссия Берена и Лютин получает неожиданную параллель в походе Фродо и Сэма, что Толкин сам не раз подчеркивает по ходу повествования. Это обыгрывается и в прозвище Фродо – Девятипалый, которое недвусмысленно перекликается с прозвищем Берена – Однорукий, и в беседе Фродо и Сэма об историях без конца, когда Сэм

догадывается, что они попали «внутрь» истории Берена и Лютиэн. Сэм ищет Фродо в Кириг-Унголе так же, как Лютиэн ищет Берена, и находят они искомое одним и тем же способом – пленник откликается на песню...

Это если говорить о букве. Теперь переходим к духу – тут все сложнее. Определенно, один из ключей романа заключается в любви Сэма к Фродо. «Зачем арапа своего младая любит Дездемона?» – спрашивал Пушкин. Но с арапом и Дездемоной еще худо-бедно понятно. Тем более понятны мотивы, связывающие Берена и Лютиэн – рок роком, а «прекраснейшая из дев Средьземелья» и «доблестнейший воин» – это вам не баран чихнул. А вот за что садовник Сэмвайз Гэмджи любит своего чудака-хозяина Фродо Бэггинса – вот это загадка. Тут есть о чем подумать.

Мы можем вспомнить всех слуг в истории литературы – всех Горацио, Санчо Панса и Сэмов Уэллеров, но такого мы больше не найдем нигде. Принципиально важно то, что Сэм младше Фродо. Принципиально важно, что он из другого сословия. Сэм – батрак, сын батрака. Отец его был садовником и рылся в земле, то же делал его дед, и наверное, много еще поколений Гэмджи делали то же самое. Сэм «вульгарен» в прямом смысле этого слова – он, что называется, «от сохи». Вот только уродился он в семье немножко уродом – чуть-чуть более мечтательным, чем это положено Гэмджи. Ему повезло – он попал на службу не куда-нибудь, а именно к Фродо. И вот во Фродо-то Сэм ищет и находит воплощение своей мечты...

В каком смысле? В том смысле, в каком начитавшийся сказок ребенок ищет у взрослых ответа на вопрос: а правда ли то, что в книжках написано? Что в мире добро побеждает зло, что есть феи, драконы, прекрасные принцессы, добрые волшебники? В основном взрослые говорят: ну конечно, это чушь, сказки, фантазия. Займись лучше уроками (иди, Сэм, копай свою картошку). А мистер Фродо возьми да скажи: да, Сэм, это все правда. А кроме того – и это самое главное – он был таким... он вел себя так, что было понятно – это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** правда. То есть он отвечал собой, каждым своим шагом за то, что слова древних сказок и легенд – истина, а не ложь. Он был свидетелем этой истины. И за это Сэм полюбил его всей силой своей простой души. Потому что Фродо подарил Сэму НЕБО, и он оказался не привязанным больше к земле. Сэм (как и Гэндальф) видит Фродо хрустальным сосудом, наполненным нездешним светом, иконой Иного, окном, через которое этот свет льется. В этом, как мне кажется, смысл любви вообще, любви как таковой: в ней нет и не может быть никакого прагматизма. С ней невозможно ничего сделать, она «ни для чего». Это как луч света среди черных туч – ты его увидел, понял, что за тучами – небо и солнце – и довольно. Теперь есть силы жить дальше. Когда видишь такой проблеск света в ДРУГОМ – это и называют любовью. Как правило, потом возникает искушение «потрогать руками» эту любовь – со всеми вытекающими последствиями...

У Сэма нет этого искушения – он слуга, он младший, да и слишком прост он для того, чтобы вместить в себя такую витиеватую эмоцию. Он слишком прост и чист для того, чтобы понять потрясающую вещь – любовь – ни для чего, «не от мира сего». Это вещь в себе, прекрасная сама по себе. Когда ты любишь кого-то, когда на тебя падает горный свет из окон чьих-то глаз, это чудо и отрада, и только ради этого ты бежишь каждый день увидеть этого человека – блесни еще раз, свет невечерний! Дай увидеть тебя, радость моя! Какое счастье быть рядом с тобой, видеть тебя, слышать твой голос! И даже не видя тебя – какое счастье знать, что ты есть, ты ходишь по земле!

Именно это испытывал Берен к Лютиэн. Именно это, мне кажется, испытывал и Сэм к Фродо. Христос это и имел в виду, когда спрашивал Петра «любишь ли ты Меня?». И в этом же смысле Бог есть Любовь – человек любящий видит в любимом икону (но очень редко догадывается об этом). Вся мировая литература рассказывает о том, как любовь превращается либо в плоть, либо в золоченого идола, которому приносятся человеческие жертвы. Толкин же написал роман о любви именно в этом, первичном смысле слова.

Неважно, насколько толкиновский Фродо заслуживает этой восторженной эмоции. Мистер

Бэггинс-младший, безусловно, достойный и порядочный хоббит, интеллигентный и мечтательный, но ничем особенным, конечно, не отличается. Ни разу не Берен и уж тем более, не Лютиэн. Это не важно. Иконой Иного может стать любой, а Фродо все-таки не первый встречный. Его отличает от других верность своей сути, своему выбору. Порядочность, или, скажем так, интеллигентность для Фродо – не маска, которую он может снять, чтобы через минуту стать кем-то другим, если понадобится. Он порядочен и интеллигентен по сути. Он «лучший из хоббитов» – именно своей цельной, глубинной добротностью (от слова «добро»?) Поэтому именно ему выпадает стать Хранителем Кольца – и именно с ним Кольцо Всевластья разыгрывает свой «жестокий роман».

То есть, во «Властелине», на мой взгляд, имеют место быть как минимум две главные любовные линии, друг другу противоположные и уравновешивающие друг друга – «восходящая» любовь Сэма к Фродо и «нисходящее» влечение Фродо к Кольцу. Они противоположны друг другу – как гравитация и антигравитация. Когда человек любит, он «летает без крыльев». Земное притяжение, кажется, больше не действует на него. На картинах Шагала влюбленные улетают в облака... Любовь – это то, что вырывает тебя из оков плоти, делает тебя, хоть на миг, тем, что ты есть – бессмертным духом, не привязанным к кругам этого мира.

Но есть другая сила, которая привязывает нас к вещам мира сего куда сильнее, чем земное притяжение. Эту силу тоже зачем-то называют любовью, хотя правильнее было бы называть ее «влечением», а еще правильнее «похотью» – как, кстати, это и называется у Толкина (lust – в эпизоде с Гримой) И это влечение не задерживает нас на земной поверхности – оно со страшной силой все более возрастающего распада тащит нас СКВОЗЬ землю – все ниже и ниже – на самое дно бытия, и еще ниже – в пустоту и небытие (что Джексон показывает очень откровенно, бесстыдно откровенно)... Влечение – это вечный голод, поэтому Голлум у Толкина вечно голоден. Кольцо можно было бы назвать иконой зла, если бы у зла могли быть иконы... Скорее, это фетиш. Фродо, вступающий в контакт с этим фетишем, надевающий кольцо, видит изнанку мира, его злую сторону, и она страшит его – и тянет его, против воли, помимо воли. Любовь отличается от влечения так же, как свобода отличается от насилия. Нет более противоположных порывов, чем следование Сэма за Фродо и движение руки Фродо к кольцу, за которым он сам наблюдает отстраненно и отсутствующе (в книге), или «балет Фродо-лунатика» навстречу назгулу – из фильма... Смысл «романа» Фродо и Кольца в ответе на вопрос – может ли человек устоять перед насилием Зла?

Ответ отрицательный – но толкиновский Фродо заслуживает уважение потому, что сопротивляется до последнего.

Он действительно «насквозь порядочный», чуждый порче и скверне, добродетельный до самой сердцевины... Даже тогда, когда Зло обрубило все его связи с миром – даже и тут он сдается только в самом конце. Кольцо овладевает им – в Саммат-Науре мы видим одержимого. И эту минутную – в рамках «Властелина» действительно минутную – слабость он не может себе простить, это не дает ему жить дальше. Фродо уплывает с эльфами, чтобы залечить раны. Такую картину рисует Толкин. Человек как икона Бога и вещь как фетиш Зла и Смерти (кстати, человек может быть и вещью), любовь и влечение – вот темы, одухотворяющие его повествование. Ничего подобного мы не видим у Джексона.

КВЕСТ В "ЗОНЕ ДИАЛОГА"
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ
МИФОЛОГИИ ТОЛКИНА
С ТРАДИЦИОННЫМИ
МИФОЛОГИЯМИ

Лотиэль (Елена Тихомирова)
При участии Маэлора (Андрея Кассирова)

Начиная изучать мифический квест в творчестве Дж. Р. Р. Толкина, я представляла себе свою задачу довольно простой: казалось, достаточно посмотреть на квест с точки зрения героя – каков он до начала квеста, почему он отправляется в путь, как квест его меняет и чем все заканчивается. Но постепенно выяснилось, что в Арде квесты не завязаны на отдельных героях и что за ними стоит нечто гораздо большее. Возник вопрос: почему так? Это свойство квеста вообще или свойство мира Арды? Толкин называл квест «не более чем удобным приемом» (Letters: 239). Но удобным приемом – для чего? Для того чтобы впутать героя в максимальное количество неприятностей? Или, может быть, для того, чтобы развернуть перед читателем целый мироландшафт (worldscape), который становится зрим только тогда, когда начинается путь?

Чтобы ответить на эти вопросы, мне пришлось задуматься над характером мифологии, созданной Профессором. Результатами этих размышлений мне бы и хотелось поделиться с вами.

Мифологию Толкина часто называют «индивидуальной», «оригинальной» или «авторской» мифологией. Все эти определения по сути говорят только о том, что мифология Арды является продуктом творческой деятельности одного человека (Филологический подход по классификации Д. Виноходова). Возможно, в дальнейшей конкретизации нет необходимости, но мои поиски вывели меня на определение «альтернативная мифология для Англии». Сам Толкин неоднократно утверждал, что он создавал так называемый «воображаемый исторический момент» (Letters: 244). Но созданное им полотно – это не момент и не период, а целая мифология, и потому я предполагаю, что «воображаемый исторический момент», хотя это прямо нигде и не сказано, конкретно касается земной истории. Речь идет о Нормандском завоевании Англии, которое оборвало мифопоэтическую традицию англосаксов (аллитерационную эпическую поэзию в частности, и сожаление Толкина по этому поводу общеизвестно). Последствия Завоевания также сделали невозможным потенциальный диалог англосаксонской и валлийской культур, плодом которого мог бы стать цикл легенд, сравнимый с Бретонским циклом про Короля Артура (и альтернативный ему!). Попробую предположить, что «воображаемый момент истории» – это XI век, но без Нормандского завоевания, а «альтернативная мифология» – это «мифологическое пространство, которое могло бы возникнуть в коллективном подсознательном англосаксов

последующего альтернативного исторического периода». Попытаюсь иллюстрировать это с помощью схемы.

Пересечение альтернативной мифологии с традиционными системами, обозначенное на схеме как «Зона диалога» представляется нам по многим причинам оптимальным контекстом для рассмотрения мифологемы квеста.

В указанный исторический период (реальный) начинается французская языковая и культурная экспансия, на почве которой происходит кельто-французский диалог и вырастает бретонский цикл легенд, в основу которого легла кельтская архаика. С точки зрения истории литературы это период развития рыцарского романа, которое происходит путем литературизации мифологических схем. Именно рыцарский роман Бретонского цикла тщательно разрабатывает и подчиняет своим целям мифологему квеста, а вершиной этого процесса, как известно, становится христианизированный квест – поиск Святого Грааля.

Если мы правы в нашем предположении, что Толкин пытался реконструировать диалог валлийской и англосаксонской культур без вмешательства французской куртуазности, то соответственно Профессор должен был выработать иные каналы литературизации мифологического наследия, и в том числе, альтернативные варианты трансформации мифологемы квеста из архаических образцов в развитые романские формы. В его «альтернативной мифологии» возникают иные очертания мира фантастического и мира героического, в основе которых лежат соответственно кельтский субстрат и англосаксонская героика, причем эти очертания не «заимствованы» из артуровского мира, а находятся в скрытой полемике с ним. Рассмотрим эти две составляющие.

«Кельтский субстрат» мифологии Толкина, сыгравший решающую роль в оформлении фантастической составляющей, заключается прежде всего во включение расы людей в оппозицию с другой расой (сиды – у кельтов, эльфы – в Арде), расой, наделенной *двойной мифологической перспективой*: с одной стороны они связаны с категорией начала, приходом в этот мир из Иного мира, domestikацией ландшафта, номинацией объектов мира, заложением традиций; с другой стороны, они обречены на постепенное угасание, утрату своих позиций в мире, уход, отплытие за западное море. К связанным с оппозицией двух рас архетипам и архетипическим конфликтам, вошедшим в мифологию Арды, следует отнести конфликт *смертности и бессмертия*, оппозицию *культуры и природы* (семантический сдвиг в понятиях natural и supernatural, с отнесением эльфов к первой категории, а людей – ко второй), *одухотворенность* природных объектов, *квестовая коммуникация* с Иным миром. (плавание к чудесным островам, перенос «сакрального ядра» полученного у божеств на неосвоенные земли и т.д.).

Стоит отметить, что заимствование кельтской архаики во французском рыцарском романе также происходило на уровне архетипов. Мелетинский перечисляет такие мифологемы, вошедшие в рыцарский роман из валлийских легенд, как добывание магических объектов и предметов культуры в Ином Мире, кража женщин в силу экзогамии, священный брак с богиней земли, календарные мифы, борьба героев-носителей сил космоса с демоническими силами хаоса, мифологема царя-жреца, от сил которого зависит плодородие и богатство страны, мифы инициации, особенно интронизация короля (Мелетинский: 147). Однако, литературизация здесь шла путем выделения т.н. «внутреннего человека» и ослабления национального пафоса валлийского эпоса. Вместо этого выделялся наднациональный институт рыцарства, генерирующий героев, сосредоточенных на своем внутреннем мире и пути персонального поиска. Мир фантастического в свою очередь оформился в яркий, но размытый и лишенный целостности сказочный мир, сквозь который герою предстояло пройти, достойно встретив все испытания. В

альтернативной мифологии Толкина происходит обратный процесс: индивидуализация героя заменяется его национализацией: то есть квесты героев всегда проходят в рамках общего квеста расы и нации, а все вместе они составляют один мета-квест Средиземья. И мир фантастического – не антропоцентричен, то есть он существует вне зависимости знания людей о нем. К архетипам, которые все же были заимствованы Толкином из Артуровского цикла (причем, поздней стадии развития последнего), я отношу только Breaking of the Fellowship, т.е. распад содружества (в широком смысле слова) и вторичную интронизацию короля (то есть, его возвращение).

Таковым был кельтский субстрат, легший в основу альтернативной мифологии, однако элементы эпическо-героического мира англосаксонской поэзии, совмещенные с этим своеобразным ядром, также подверглись некоторой трансформации. Выделим эти элементы.

Пользуясь терминологией Мельниковой («Меч и Лира», 1987), главной особенностью англосаксонского эпоса («Беовульф» в частности) была *масштабность* героического конфликта, распространение угрозы не на одного героя, а на весь род, и вследствие этого тяготение всех образов поэмы к одному из двух лагерей: лагеря с героем в центре или к лагерю его противников. Масштабен и полярен и конфликт в Арде, причем тяготение к тому или иному полюсу распространяется не только на все расы, но также и природные объекты и артефакты. «Противопоставленность отдельных элементов настолько последовательна и всеобъемлюща, – пишет Мельникова про поэму «Беовульф», – что мир чудовищ предстает как перевернутый мир героев. Он имеет те же самые характеристики, но со знаком минус» (с.89). Примеров подобной противопоставленности в мире Арды можно привести огромное количество, но я выбрала довольно нетипичный, но все же характерный пример – описание двух пиров – Тингола («Лэ о Детях Хурина», с. 17) и Моргота («Лэ о Лэйтиан», с. 295). В обоих эпизодах картина пира вводится при помощи одних и тех же элементов: «вход» в палату производится под звуки смеха: «at the table of Thingol – / there was **laughter long** and the loud clamour/ of a countless company», «Loud rose a **din of laughter hoarse**,/ self-loathing yet without remorse»; описание угощения звучит как «that **quaffed the mead, amid the wine of Dor-Winion that went ungrudged/ in their golden goblets; and goodly meats/ there burdened the boards**», а у Моргота «To Morgoth's hall, **where dreadful feast/ he held, and drank the blood of beast/ and lives of Men**, they stumbling came:», менестрели в палате Тингола поют о Валиноре, а у Моргота – не сказано о чем, хотя описан эффект пения: «**loud came a singing harsh and fierce/ like swords of terror souls to pierce.**», факелы у Тингола освещают, у Моргота к тому же дают зловещий дым «to glooms unguessed, to vaulted dome/ **swathed in wavering smokes and steams/ stabbed with flickering lightning-gleams.**» В «Лэ о Лэйтиан» (с. 189 и с. 295) колонны описаны в обоих локусах при помощи пространного сравнения с деревьями (см. строки 995-1003 и 3880-3887) и так далее.

В гораздо более трансформированном виде предстают в мифологии Толкина эпические пространство и время. Пространство представляется англосаксонскому скопу как совокупность отдельных локусов (прежде всего – королевских палат) с такими характеристиками как условность расстояния между ними, дискретность пространства, нейтральность ландшафта или его негативная эмоциональная насыщенность, враждебность герою. Пространство мира Арды эпично в том смысле, что и над ним как бы возвышаются такие локусы как королевские дворы, к которым тяготеют ключевые моменты квестов героев, однако там наблюдается процесс «уплотнения» и насыщения пространства, преодоление его дискретности. Шиппи называет это явление «картографичностью», отмечая, что таким образом достигается «атмосфера реальности и протяженности Средиземья в пространстве и времени» (Shippey: 94). А эмоциональное насыщение ландшафта в положительном ключе является последствием слияния с кельтским ядром, в частности с «природной» составляющей расы эльфов. Путь героя квеста в Средиземье всегда

сопровождается «декодированием» ландшафтной информации, ее актуализацией и обогащением за счет новых названий, появляющихся в ходе квеста.

Аналогичные явления происходят и с категорией времени, однако, говоря о времени в мифологии Толкина, целесообразно сразу уточнить, о чем идет речь: о *внешнем* времени (которое можно соотнести с временем историческим по предложенной схеме), о *внутреннем* времени каждого отдельного текста или о времени *интертекстуальном*, то есть о таком, которое выстраивается на связях внутри всего массива текстов про Арду. Внешнее время мифологии, подобно эпическому времени древнеанглийской поэзии, отделено от читателя (по определению С. Лихачевой) *многоуровневой дистанцией*, что особенно наглядно в текстах, где присутствует обрамление и явные нарраторы. Образ Эриола-Эльфине, временная привязка которого к реальному историческому времени присутствует в «Истории Средиземья» в нескольких вариантах, дает богатый материал для изучения «швов» сращения кельтской и англосаксонской традиции, особенно через мотив мореплавания, иммам, как средство преодоления пространственно-временных преград. Внутреннее время отдельных текстов крайне неоднородно, но главной его характеристикой является незамкнутость на сюжете данного текста и возможность включения в интертекстуальное время мифологии. Последнее, в свою очередь, подобно категории пространства, подвергается уплотнению и конкретизации («картографичность» и «хронологичность»), а также линейному выпрямлению: общее направление движения мифоистории – это последняя битва, Дагор Дагорат, отсюда необратимость и нецикличность эпического времени мифологии Арды.

Отличается своеобразием и толкиновский вариант перехода мифического героя в эпического и далее в романного. Здесь наблюдаются два разнонаправленных процесса в структуре самого квеста: первый процесс касается объектов квеста (т. е., чудесных артефактов), второй – субъектов квеста (т. е. собственно, героев). По наблюдениям медиевистов (Стеблин-Каменский, Гуревич), переход от мифического к героическому сопровождается значительным ослаблением взаимодействия героя с миром вещей. В мире Арды утраты «активности» артефактов и сведения их роли к антуражу не происходит, наоборот, мир магических предметов восстанавливает свои мифологические качества, которые уходят корнями в мифы про первотворение и культурных героев. Артефакты становятся (по определению, которое Гуревич дает артефактам архаичных эддических песен) «продолжением субъектов действия и порой сами становятся субъектами, выполняя важнейшую роль в композиции произведения» (Гуревич: 67). Примерами этого могут служить не только очевидные Сильмарилли и Кольца, но и практически любые артефакты текстов Толкина – от меча Турина до эльфийской веревки, сделанной в Лотлориэне. Общее ослабление мифологичности мира Арды в конце Третьей Эпохи во многом обусловлено и тем, что Саурон изначально выбрал в качестве объекта концентрации своей силы мир артефактов, из-за чего нейтрализация его мощи могла быть осуществлена только в рамках общего снижения активности предметов как таковых.

Такая архаизация «объектной» составляющей квеста служит своеобразным противовесом развития «субъектного» компонента, который в свою очередь проходит не только этап мифическое-героическое, но и выходит в диапазон героическое-куртуазное. Сам Толкин считал, что такой выход совершили герои англосаксонской поэзии, и в лекции про Беовульфа, а также в послесловии к «Возвращению Беорхнота» он отмечал присутствие «куртуазности» в их поведении. Под куртуазностью он понимал «излишество» (excess) героического поведения и противопоставлял ее истинному героизму (примеры – Беорхнот и его люди, Беовульф и Виглаф). Данный конфликт входит и в альтернативную мифологию, сильно обогащая и усложняя мотивационную сферу действий героев и предлагая в каждом отдельном случае новое сочетание героизма и куртуазности (heroism vs chivalry). Героизм здесь предполагает выражение «северного духа», т. е. мужества и выполнения долга даже перед лицом неминуемой гибели, о чем подробно

пишет Н. Прохорова в статье «Добродетели мира Толкина: деяние и недеяние». Кургуазность выражается в нежелательности умаления личной славы/достоинства за счет «недостойных поступков» (ранние версии поведения Бэрэна при дворе Тингола; нежелание Арагорна оставить оружие у входа в Эдорас, отказ Гимли идти с завязанными глазами и многие другие примеры). Более сложные варианты взаимодействия двух указанных элементов дают нам таких героев, как Боромир, который при всем своем мужестве и доблести, не способен на «недеяние», и потому совершает первый свой роковой поступок - отбирает квест, предназначенный его брату. Фарамир в свою очередь не только оказывается способным на нужное «недеяние» в нужный момент (когда он отпускает Фродо), но и выполнить ненужное деяние (попытку удержать переправу Осгилиата, ибо Дэнэтор не желал «сдать ее без боя») с максимальным героизмом.

Литература

1. Гуревич А. «Эдда» и сага. – М.: «Наука», 1979.
2. Лихачева С.Б. Аллитерационная поэзия в творчестве Джона Рональда Руэла Толкина. Автореф. канд. фил. наук. – М. 1999.
3. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: «Наука», 1986.
4. Мельникова Е.А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. – М.: «Мысль», 1987.
5. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. – М.: «Наука», 1976.
6. Прохорова Н. Добродетели мира Толкина: деяние и недеяние // Знание – сила. – 1998 – №.3 – с. 134-141.
7. Рис А, Рис Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. – М.: «Энигма», 1999.
8. Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. – М.: «Наука», 1982. – с.171 – 235.
9. Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. – Мн.: «Вісш. школа», 1979.
10. Shippey, T. The Road to Middle-earth. – Boston.: «Houghton Mifflin», 1983.
11. The Letters of J.R.R. Tolkien. Ed. by H. Carpenter. – L.: «HarperCollins», 1995.
12. Tolkien, J.R.R. Beowulf: The Monsters and the Critics // The Monsters and The Critics. -L.: «HarperCollins», 1997. - pp. 5-48.
13. Tolkien J.R.R. Lays of Beleriand. Ed. by Christopher Tolkien. – L.: «HarperCollins», 1994.
14. Tolkien J.R.R. The Homecoming of Beorhtnoth Beorhthelm's Son // Tolkien Reader. - N.Y.: «Ballantine Books», 1989. - pp. 1-27.

Синдарин– благородное наречие¹

Называется также: язык серых эльфов, наречие Белерианда, благородное наречие; во “Властелине колец” его часто называют просто “эльфийский язык”; ошибочно назывался “нолдорин” в работах Толкина, написанных прежде “ВК”.

- ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ
 - Недоразумение
 - Названия языка
- ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ
- ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ФОНОЛОГИЯ
- КОРПУС
- СТРУКТУРА СИНДАРИНА
- 1. АРТИКЛИ
- 2. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
 - Множественное число в синдарине
 - Лениция
 - Назальная мутация
 - Склонение синдаринских существительных
 - Восстановление исходных начальных сочетаний
- 3. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
- 4. ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ
- 5. ГЛАГОЛЫ
- 6. МЕСТОИМЕНЕНИЯ

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ

Синдарин был основным эльдарским языком в Средиземье, живым общеупотребительным наречием серых эльфов, или *синдар*. Это был наиболее выдающийся потомок *общего тэлерина*, а общий тэлерин происходил от общего эльдарина, предка квэнья, тэлерина, синдарина и нандорина. “Язык серых эльфов был по происхождению родственен квэнья, – объясняет Толкин, – поскольку это было наречие тех эльдар, кто, придя к берегам Средиземья, не перешел через

Море, а замешкался на побережье в краю Белерианд. Там Тингол Серый Плащ, повелитель Дориата, был их королем, и в долгих сумерках язык их... стал сильно отличаться от речи эльдар, живших за Морем” (Приложение F к “Властелину колец”). Хотя в некоторых местах синдарин называют “лучше всего сохранившимся” из эльдарских языков в Средиземье, он, несомненно, является самым радикально менявшимся эльфийским языком, о каком у нас есть сколь либо обширные знания: “Язык синдар сильно менялся, незаметно, как дерево в росте своем может менять формы: столь сильно, сколь, быть может, бесписьменный язык смертных изменится за пять сотен лет, или больше. Еще прежде Восхода Солнца речь эта очень сильно отличалась на слух от квэнья, а после того все изменения были быстры, в течение второй Весны Арды – быстры весьма” (WJ:20). Развитие от общего эльдарина к синдарину влечет за собой более радикальные изменения, чем его же развитие в сторону квэнья или аманского тэлерина. Толкин предполагал, что синдарин “изменился со всей изменчивостью смертных земель” (Приложение F к “ВК”). Это не значит, что перемены эти были хаотическими или не имели системы; определенно, они были систематичны – но очень сильно менялась звуковая система и “музыка” языка. В числе немаловажных изменений можно назвать то, что конечные гласные были опущены, глухие окончания *p, t, k* стали звонкими *b, d, g*, следующими за гласной, звонкие же окончания в подобной позиции стали спирантами (кроме *g*, которые совсем исчезли), и многие гласные изменились, часто из-за уподобления другим гласным. Согласно РМ:401, “развитие синдарина еще задолго до прихода нолдор-изгнанников стало в основном следствием незапланированного изменения, подобно языкам людей.” Говоря о глобальных изменениях, РМ:78 отмечает, что “это все еще был прекрасный язык, очень хорошо соответствующий тем лесам, холмам и побережьям, где он обретал свою форму.”

Ко времени возвращения нолдор в Средиземье, через три с половиной тысячелетия после их расставания с синдар, классический язык синдар изменился полностью. (Очевидно, он вошел в более стабильную фазу, несмотря на утверждение Толкина, что изменение шло быстро после восхода Солнца: перемены, появляющиеся в течение следующих семи тысячелетий, до времен Фродо, были малы и незначительны по сравнению со стремительным развитием предыдущих трех тысяч лет. В первую эпоху существовали различные диалекты синдарина – архаичный язык Дориата, западный диалект *Falathrim* или “народа побережий”, и северный диалект *Mithrim*. Который из них стал основой синдарина поздних эпох, точно неизвестно, но язык фалатрим кажется лучшим кандидатом, поскольку Дориат был разрушен, а то немногое, что мы знаем о северном синдарине, указывает на его отличия от синдарина времен Фродо. (Название *Hithlum* – образец северного синдарина; см. WJ:400.)

Поначалу нолдор и синдар не понимали друг друга, их языки слишком сильно разошлись за время долгого разделения их народов. Нолдор быстро выучили синдарин и даже начали переводить на язык серых эльфов свои квэнийские имена, так как им “казалось абсурдным и неправильным живых личностей, в повседневной жизни говорящих на синдарине, звать именами, построенными по совсем другим лингвистическим законам” (РМ:341). Иногда имена переводились с большой точностью, как в случае, когда имя *Altâriel* должно было быть прослежено до своей гипотетической общеэльдаринской формы **Nalatârigellê*; начав от этой “реконструкции”, нолдор произвели синдаринскую форму, которая *появилась бы* в синдарине, если бы это действительно было древнее имя **Nalatârigellê: Galadriel*. Но не всегда это было так. Известное имя **Fëanor** это в действительности некий “компромисс” между чисто квэнийским *Fëanáro* и “правильной” синдаринской формой *Faenor* (“правильной” в том смысле, что примитивное **Phayanáro* стало бы таким в синдарине, если бы это имя появилось в общем эльдарине в древние времена). Некоторые имена, такие, как *Turukáno* или *Aikanáro*, просто синдаризировались по звучанию, хотя получившиеся в результате формы **Turgon** и **Aegnor**

совершенно ничего на сероэльфийском не значили (PM:345). Перевод многих имен имел место очень рано, когда нолдор еще не разобрались во всех тонкостях синдарина, поэтому получившиеся имена "были часто неточны: это значит, что они не всегда в точности соответствовали смыслу; не всегда считавшиеся равными элементы были ближайшими синдаринскими эквивалентами квэнийских форм" (PM:342).

Но нолдор, всегда готовые заниматься лингвистикой, вскоре достигли полного владения синдариним и четко разобрались в его отношениях с квэнья. Через двадцать лет после прихода нолдор в Средиземье, во время Mereth Aderthad, или Праздника Воссоединения, "на языке серых эльфов говорили в основном даже нолдор, ибо быстро выучили они речь Белерианда, тогда как синдар медленно овладевали языком Валинора" ("Сильмариллион", гл. 13). Квэнья как разговорный язык был окончательно изъят из употребления Тинголом, когда тот узнал, что нолдор убили многих тэлери и похитили их корабли, чтобы вернуться в Средиземье: "Никогда боле не услышат уши мои языка тех, кто убивал родичей моих в Алквалондэ! И во всех владеньях моих не будут на нем говорить открыто". Поэтому "Изгнанники приняли язык синдарин для повседневных нужд своих" ("Сильмариллион", гл. 15). Представляется, что указ Тингола просто ускорил процесс; как отмечено выше, многие из нолдор уже говорили на синдарине.

Позднее в Средиземье появились смертные люди. Приложение F к "Властелину колец" (а также UT:216) сообщают нам, что "*Dunedain* одни из всех человеческих рас знали и говорили на эльфийском языке, ибо праотцы их изучили синдарин, и передали его детям своим как предмет науки, мало изменив в нем за прошедшие годы". Возможно, это дунэдайн стабилизировали синдарин, как минимум – в его использовании в их среде (UT:216 утверждает, что синдарин, ходивший среди смертных людей, напротив, "имел тенденцию становиться более различным и диалектичным"). Каков бы ни был стандарт человеческого синдарина в более поздние века, в Первую Эпоху "большинство [эдайн] вскоре выучили язык серых эльфов, и как общее наречие для общения между собой, и потому, что многие из них желали познавать знания эльфов" ("Сильмариллион", гл. 17). В конце концов некоторые люди стали знать и говорить на синдарине почти так же хорошо, как эльфы. Знаменитое лэ *Narn i Chîn Húrin* (как правильно писать его название) было создано человеческим поэтом по имени Дирхавель (*Dírhavel*), "но высоко ценилось среди эльдар, ибо Дирхавель пользовался сероэльфийским языком, в котором был весьма искусен" (UT:146. С другой стороны, народ Халет не выучил синдарин как следует и не имел к тому энтузиазма, см. UT:378). Турин изучил синдарин в Дориате, некто Нэллас "научил его говорить на синдарине в манере древнего королевства, более старой, и более обходительной, и богаче красивыми словами" (UT:76).

Сами эльфы продолжали пользоваться синдариним на протяжении всей Первой Эпохи. Можно было бы предположить, что в такой нолдорской колонии, как Гондолин, квэнья выжил бы в качестве разговорного языка, но представляется, что, за исключением королевского дома, это было не так: "Для большинства жителей Гондолина [квэнья] стал языком книг, и, как и другие нолдор, они в повседневной речи пользовались синдариним" (UT:55). Туор услышал, как гондолинский страж заговорил сначала на квэнья, а потом "на языке Белерианда [синдарине], хоть и в манере отчасти странной для слуха, как у народа, что долго был отрезан от своей родни" (UT:44). Даже квэнийское название города, *Ondolindë*, всегда встречается в синдаринизированной форме – **Gondolin** (хотя это всего лишь заимствование, а не "настоящий" синдарин; от примитивного **Gondolindë* произошло бы слово **Gonglin*).

Многие из говоривших на синдарине погибли в войнах Белерианда, но благодаря вмешательству Валар в Войне Гнева Моргот был окончательно низвергнут. Когда закончилась

Первая Эпоха, многие эльфы отправились на Эрессэ, и с тех пор синдарин стал разговорным языком в Благое Краю так же, как и в Средиземье (фрагмент из *Akallabêth*, цитируемый ниже, указывает, что нуменорцы поддерживали сношения с жителями Эрессэ, пользуясь синдаринном). Валар хотели наградить эдайн за их страдания в войне против Моргота и подняли из моря остров, и люди, последовав за Звездой Эарендила на свою новую родину, основали королевство Нуменор.

Синдарин широко использовался в Нуменоре: “Хотя народ сей все еще пользовался собственной своей речью, короли их и лорды знали и говорили также на эльфийском наречии, который выучили в дни союза, и потому все еще могли говорить с эльдар – с Эрессэ или с запада Средиземья” (*Akallabêth*). Потомки народа Беора использовали синдарин даже в повседневной своей речи (UT:215). Хотя адунаик был родным языком большинства нуменорского населения, синдарин был “известен до некоторой степени почти всем” (UT:216). Но позже все изменилось. Нуменорцы стали завидовать бессмертию эльфов, и в конце концов отвернулись от древней дружбы с Аманом и Валар. Когда Ар-Гимильзор (*Ar-Gimilzôr*) “полностью запретил использование эльдарских языков” в 3100-х годах Второй Эпохи, мы должны предположить, что даже беоринги оставили синдарин и приняли вместо него адунаик (UT:223). История безумия Ар-Фаразона (*Ar-Pharazôn*), хитрой “капитуляции” Саурана, полного развращения нуменорцев и Падения Нуменора хорошо известна из *Akallabêth*.

После Падения выжившие Друзья эльфов основали в Средиземье Королевства в Изгнании, Арнор и Гондор. В РМ:315 утверждается: “Верные [после Падения] ...пользовались синдаринном, и на этом языке придумывали все названия, которые они заново давали местам в Средиземье. Адунаик был оставлен незаметно изменяться и искажаться в качестве языка повседневной жизни, единственного языка для неграмотных. Все люди высокого происхождения и все, кого учили читать и писать, пользовались синдаринном, даже в качестве повседневного языка внутри своего круга. В некоторых семьях, как говорится, синдарин стал родным языком, а простонародный адунаик учили нерегулярно, по мере надобности. Синдарин не преподавался тем не менее чужакам, и потому, что он считался знаком нуменорского происхождения, и из-за того, что его оказалось тяжело перенимать – гораздо тяжелее, чем “простонародный язык”. Согласно этому, синдарин называется в качестве “обычного разговорного языка народа Элендила” (UT:282).

Среди самих эльфов синдарин продвинулся на восток в течение Второй и Третьей Эпохи и в конце концов заменил некоторые из лесных (нандорских, данских) наречий. “К концу Третьей Эпохи на лесных наречиях, вероятно, перестали говорить в тех двух районах, которые имели важное значение во времена Войны Кольца – в Лориэне (*Lórien*) и во владениях Трандуила (*Thranduil*) в северном Чернолесье” (UT:257). Лесные языки ушли, синдарин пришел на их место. В действительности, от *LotR1/II*, гл. 6 создается впечатление, что язык, на котором говорили в Лориэне, был неким странным наречием лесных эльфов, но Фродо, автор *Алой Книги*, понял все неправильно. Примечание к Приложению F к “ВК” объясняет, что в дни Фродо в Лориэне на самом деле говорили на синдарине, “хотя и с “акцентом”, поскольку большинство его жителей было лесного происхождения. Этот “акцент” и собственное ограниченное знакомство с синдаринном ввели Фродо в заблуждение, как указано в гондорском комментатором “Тановой Книги”)” UT:257 продолжает по этому поводу: “В Лориэне, где много жителей были по происхождению синдар или спасшиеся из Эрегиона нолдор, синдарин стал языком всего народа. О том, как их синдарин отличался от форм, ходивших в Белерианде, см. [*LotR1*] II 6, где Фродо сообщает, что речь лесного народа, которой его представители пользуются в разговорах между собой, была непохожа на язык Запада – теперь это, конечно, неизвестно. Разница, возможно, было чуть сильнее чем то, что обычно называют “акцентом”: в основном – различия гласных звуков и интонаций, чего достаточно, чтобы ввести в заблуждение того, кто, как Фродо, не был

хорошо знаком с более чистым синдаринном. Разумеется, там могли быть некие местные слова и другие особенности из-за влияния бывшего лесного языка". На стандартном синдарине, без "акцента", очевидно, говорили в Ривенделле и среди народа Кирдана в Гаванях.

Но к концу Третьей Эпохи эльфы стали исчезать из Средиземья, неважно, на каком языке они говорили. Должно было начаться правление смертных людей, второрожденных детей Илуватара. Толкин замечает, что в конце Третьей Эпохи было больше людей, говоривших на синдарине или знавших квэнья, чем эльфов (Letters:425). Когда Фродо и Сэм встретили людей Фарамира в Итилиене, они услышали, что те говорят на всеобщем наречии (востроне), но потом те перешли "на другой свой язык. К своему удивлению, слушая их, Фродо стал понимать, что говорили они на эльфийском наречии, или на отличавшемся от него лишь немного; и он смотрел на них в удивлении, ибо понял тогда, что это должны быть дунэдайн юга, люди линии лордов Западной земли". (LotR2/IV, гл. 4). В Гондоре "синдарин был благоприобретенным языком вежливости и использовался людьми более чистого н[уменорского] происхождения" (Letters:425). Словоохотливый травник в Палатах Исцеления называет синдарин "благородным наречием" (LotR3/V, гл. 8: "Ваша светлость просила *королевский лист (kingsfoil)*, как зовут его в простонародье, или *athelas* на благородном наречии, или, для тех, кто кое-что знает по-валинорски [= на квэнья]...").

Что было с синдаринном в Четвертую Эпоху, мы никогда не узнаем. Как и квэнья, его должны были помнить в Средиземье, покуда существовало королевство Гондор.

Недоразумение

Необходимо заметить, что Толкин на протяжении почти сорока лет неправильно понимал историю синдарина и имел совершенно неверные идеи о его происхождении. Он полагал, что это был язык не синдар, а *нолдор*! По этой причине синдаринские слова помечены буквой "N" – "нолдорин" – в "Этимологиях" (LR:347-400). Позднее Толкин стал удивляться: как это эльфы Валинора могли иметь два языка столь разных, как квэнья и нолдорин, раз они жили бок о бок, были бессмертны и всякое такое. В конце концов Толкин разобрался: по происхождению синдарин не имел никакого отношения к нолдор и вообще не был валинорским языком; его создали синдар Средиземья. РМ:78 документально подтверждает, что Толкин окончательно понял это, когда писал Приложение к "Властелину колец". Конечно, это недоразумение вполне понятно, учитывая то обстоятельство, что большинство говоривших на синдарине в сказаниях Средиземья были на самом деле нолдор. В этом смысле синдарин действительно был "нолдорским" языком.

Названия языка

"Sindarin" – это квэнийское название этого языка, происходящее от слова *Sindar* – *"Серые" = серые эльфы; оно может быть переведено (что и делается) как "*сероэльфийский*". Как назывался синдарин в своих собственных терминах, в точности неизвестно. Об эльфах Белерианда сказано, что "их собственный язык был единственным, какой они когда-либо слышали; и не было нужды в слове, чтобы отличать его" (WJ:376). Синдар, вероятно, называли свой язык просто **Edhellen**, "эльфийский". Как указано выше, травник Палат Исцеления, называл синдарин "благородным наречием". Во всем "ВК" обычно применяющийся термин – просто "эльфийский язык", поскольку синдарин был живым родным языком эльфов.

ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ

В 1954 году, в Letters:176, Толкин заявил, что "живой язык западных эльфов (*Sindarin*, или сероэльфийский) это тот, что чаще всего встречается [в "ВК"], особенно в именах. Он происходит от корня, общего для него и *Quenya*, но в нем производились намеренные перемены, что произвело лингвистический характер, очень похожий (хотя и не идентичный) на характер британского

валлийского, поскольку этот характер я нахожу, по некоторым лингвистическим расположениям, весьма привлекательным; и поскольку кажется, что он подходит для довольно “кельтского” типа легенд и историй, которые рассказывают говорящие на нем”. Позднее он обнаружил, что “этот элемент в истории принес, возможно, больше удовольствия большему количеству читателей, чем что-либо еще в ней” (МС:197).

Язык, звучащий по-валлийски или по-кельтски, существовал в мифах Толкина с самого начала. Этот язык назывался сначала *Gnomish* (номский), или *i-Lam na-Ngoldathon*, “наречие номов (нолдор)”. Первый номский словарь Толкина, датированный примерно 1917 годом, был опубликован в *Parma Eldalamberon* #11 и представляется весьма обширным документом, включающим тысячи слов. Много номских слов можно найти также в приложениях к LT1 и LT2. В *Parma* была также опубликована так и не оконченная номская грамматика. Но хотя Толкин вложил много труда в этот язык, он был в конце концов отвергнут. В РМ:379, в позднем документе, Толкин называет номский “эльфийским языком, который в результате стал таковым того типа, что называется синдаринном” и замечает, что это “была примитивная и неорганизованная форма”. Некоторые центральные концепции номской грамматики, в особенности ряд изменений согласных, позднее были возрождены в синдарине. Но все же номский был совершенно иным языком, хотя его фонетическая стилистика была отчасти сродни синдаринской (много *ch* и *th*, и большинство слов оканчиваются на согласную). Важная особенность синдарина, умляут, или аффекция гласных, насколько известно, впервые появляется в грамматиках, написанных Толкином в двадцатых годах. Но только в тридцатых, когда были созданы – “*Этимологии*”, язык, действительно близкий к синдарину, появился в записях Толкина. Он назвался, как отмечено выше, “нолдорин”, поскольку, как и его предшественник, номский, считался языком нолдор, развившимся в Валиноре. Квэнья, или “*Qenya*”, считался языком только линдар (позднее – ваньяр). Как уже описано, только ко времени написания приложений к “ВК” Толкин отказался от этой идеи и превратил нолдорин в синдарин, сделав квэнья исходным языком и ваньяр, и нолдор – последние просто *приняли* синдарин, когда пришли в Средиземье. Согласно прежней концепции, эльфы-аборигены Белерианда говорили на языке, называвшемся *Ilkorin*, который был в результате заменен синдаринном (Эдуард Ключко спорит, что илькорин был трансформирован в северный диалект синдарина).

Основная фонология

Синдаринская фонология менее строга, чем квэньская. Многие сочетания согласных возможны в любых позициях, тогда как в квэнья начальные и конечные сочетания, в сущности, отсутствуют. Звуки **ch** (немецкий *ach-Laut*, а НЕ “tsh” как в английском *church*) и **th**, **dh** (“th” как в англ. *think* и *this*, соответственно) встречаются часто. Толкин иногда использовал для передачи **dh** специальную букву *eth* (p), но мы здесь будем придерживаться двубуквенной передачи, как во “Властелине колец”. Глухие взрывные **p**, **t**, **c** никогда не стоят после гласной, но ленируются (см. ниже) до **b**, **d**, **g**. Обратите внимание, что, как и в квэнья, **c** всегда произносится как **k** (стандартный пример: *Celeborn* = “Кэлеборн”, а не “Целеборн”). В конце слов **f** произносится как **v**, как в английском *of*. (В тенгварском написании такое слово, как *nef* пишется, собственно, как *nev*.) **R** должно быть вибрирующим, как в испанском, русском и др. Диграфы **rh** и **lh** представляют глухие **r** и **l** (хотя иногда эти сочетания могут действительно обозначать **r + h** или **l + h**, как в *Edhelharn* – это неудивительно, ведь наш алфавит не может полностью адекватно отобразить синдарин). В синдарине есть шесть гласных, **a**, **e**, **i**, **o**, **u** и **y**, последняя из которых соответствует немецкому #252; или французскому *u* как в слове *Lune* (произнесите *u* как в английском *see* с губами, округленными, как когда вы произносите *y*, и все получится). Долгие гласные помечаются знаком долготы (**á**, **é** и т. п.), но в случае ударных односложных слов гласные

имеют свойство становиться особенно долгими и помечатся циркумфлексом: *â, ê* и т. п. Синдаринские *дифтонги* это **ai** (как в английском *aisle*, а НЕ как в *mail*), **ei, oi, ui** (как "ooу" в *too young*) и **au** (как в немецком *Haus*, или как "ow" в английском in English *cow*). На конце слов **au** произносится как **aw**. Существуют также дифтонги **ae** и **oe**, не имеющие английских аналогов; Толкин предлагает заменять их **ai** и **oi**, если вам нет дела до столь мелких деталей (он сам иногда англицизировал имя **Maedhros** до "Maidros", но любому, читающему этот документ, должно быть, ЕСТЬ дело до деталей). **Ae** и **oe** это просто гласные **a, o** произносящиеся в один слог вместе с гласной **e** (как в английском *pet*), совсем как **ai** и **oi** это **a** и **o**, произносящиеся в один слог вместе с **i**.

Корпус

Важными примерами синдарина в ВК являются:

– приветствие Глорфинделем Арагорна: **Ai na vedui Dunadan! Mae govannen!** (BK 1, ч. 1, гл. 12). Первые слова не переведены, но предположительно означают *"Ах, наконец, Человек запада!" **Mae govannen** значит "добрая встреча" (Letters:308).

– слова Глорфинделя к коню: **Noro lim, noro lim, Asfaloth!** (та же глава). Не переведено; очевидно, значит *"скачи быстро, скачи быстро, Асфалот!"

– огненное заклинание Гандальфа: **Naur an edraith ammen! Naur dan i ngaurhoth!** Первая часть в буквальном переводе значит, согласно TI:175, "огонь, будь для спасения нас". (На самом деле здесь, кажется, нет слова со значением "быть".) Вторая часть должна означать *"огонь против войска волколаков!" (Ср. Замечание Гандальва наутро после нападения волков: "Это то, чего я и боялся. Это не были обыкновенные волки.") (BK 1, ч. 2, гл.4)

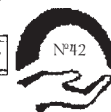
– заклинание Гандальва перед Вратами Мории: **Annon edhellen, edro hi ammen! Fennas nogothrim, lasto beth lammen!** – "Эльфийские врата, откройтесь ныне для нас; проход гномьего народа, слушай слова моего языка" (BK 1, ч.2, гл.4, переведено в RS:463). Ранний вариант этого заклинания найден в RS:451.

– Надпись на самих вратах Мории: **Ennyn Durin Aran Moria: pedo mellon a minno. Im Narvi hain echant: Celebrimbor o Eregion teithant i thiw hin**. "Двери Дурина, лорда Мории. Скажи, друг, и войди. Я, Нарви, сделал их. Кэлебримбор из Падуби (Эрегиона) написал эти знаки."

– Песня **A Elbereth Gilthoniel / silivren penna miriel / o menel aglar elenath! / Na-chaered palan-diriel / o galadhremmin ennorath, / Fanuilos le linnathon / nef aer, si nef aearon** (LotR1/II ch. 1). Она переводится в RGEO:72 и приблизительно обозначает: "О Эльберет Возжигательница звезд, бело-мерцающая, сверкающая подобно алмазам, слава звездного сонма склоняется вниз. Взглянув вдаль из затканых деревьями земель Средиземья, тебе, Вечнобелая, я буду петь, по эту сторону Моря, здесь, на этом берегу Океана" (перевод мой, основанный на подстрочнике Толкина). Более ранний вариант песни обнаружен в RS:394. (Этот гимн очень похож на непереведенную *песню Лутизни* из *The Lays of Beleriand* стр. 354: **Ir Ithil ammen Eruchîn / menel-vîr síla díriel / si loth a galadh lasto dîn! / A Hîr Annûn gilthoniel, le linnon im Tinúviel**.)

– "Вдохновенный" вопль Сэма в Кирит Унгол: **A Elbereth Gilthoniel o menel palan-diriel, le nallon sí di-nguruthos! A tiro nin, Fanuilos!** – "О Эльберет Возжигательница звезд, с небес глядящая вдаль, к тебе ныне взываю [букв. "кричу"] я в [букв. "под"] тени смерти. О, взгляни в мою сторону, Вечнобелая!" (перевод дан в Letters:278 и RGEO:72).

– Славословие Кольценосцам на Кормалленских полях (LotR3/VI ch. 4): **Cuio i Pheriain anann! Aglar'ni Periannath! ... Daur a Berhael, Conin en Annûn, eglerio! ... Eglerio!** Это переведено в Letters:308 и означает "пусть полурослики живут долго, слава полуросликам... Фродо и Сэм, принцы запада, славьте (их)!..."

Славьте (их)!”

– *Linnod* Гильраэн Арагорну в Приложении А к “ВК”: **Ónen i-Estel Edain, ú-chebin estel anim**, переведено как “Я отдала Надежду дунэдайн; я не оставила надежды себе”.

Помимо “ВК”, наиболее важным источником – на самом деле, длиннейшим имеющимся у нас синдаринским текстом и длиннейшим прозаическим фрагментом на любом из эльфийских языков – является *Письмо Короля*, часть Эпилога к “ВК”, от которого Толкин впоследствии отказался. Наконец, он был опубликован в SD:128-129: **Elessar Telcontar: Aragorn Arathornion Edhelharn, aran Gondor ar Hîr i Mhair Annui, anglennatha i Varanduiniant erin dolothen Ethuil, egor ben genediad Drannail erin Gwirth edwen. Ar e anira ennas suilannad mhellyn in phain: edregol e aníra tírad i Cherdir Perhael (i sennui Panthael estathar aen) Condir i Drann, ar Meril bess dîn; ar Elanor, Meril, Glorfinniel, ar Eirien sellath dîn; ar Iorhael, Gelir, Cordof, ar Baravorn, ionnath dîn. A Pherhael ar am Meril suilad uin aran o Minas Tirith nelchaenen uin Echuir.** (Имена *Elessar Telcontar* квэнийские; в тексте появляется синдаринский перевод имени *Elessar, Edhelharn* [Эльфийский камень]). Следующий перевод дается в SD:128: “Арагорн Шагатель [Бродяжник] Эльфийский камень [хотя в эльфийском тексте сказано “*Элессар Тельконтар: Арагорн сын Араторна Эльфийский камень*”], король Гондора и лорд Западных земель, прибудет на Барандуинский Мост на восьмой день Весны, или, по Ширскому счету, на второй день апреля. И желает он приветствовать всех друзей своих. В особенности желает он видеть мастера *Сэмвайза* [“*Полумного*”] (кого следовало бы звать *Фулвайзом* [“*Полноумным*”]), мэра Шира, и *Розу*, жену его; и *Эланор, Розу, Златовласку*, и *Маргаритку*, дочерей его; и *Фродо, Мерри, Пиппина* и *Хэмфаста*, его сыновей. *Сэмвайзу* и *Розе* – приветствия короля из Минас-Тирита, на тридцать первый день Ранней Весны, [отсутствует в эльфийском тексте:], что есть двадцать третьего февраля по их счету”. Слова в скобках (“кого следовало бы...”) опущены в переводе в SD:128, но ср. SD:126.

Другие примеры синдарина – это:

– Восклицание Воронвэ, когда он увидел Окружные горы вокруг владений Тургона: **Alae! Ered en Echoriath, ered e-mbar nîn!** – “*Alae* [= ?Зри]! Горы Эхориат, горы моей родины!” (UT:40, переведено в UT:54, прим. 19). В тексте в UT:40, на самом деле, вместо дефиса в словах **e-mbar** стоит точка.

– **Gurth an Glamhoth!**, “смерть орущей орде”, проклятье Турина оркам, в UT:39 (ср. UT:54).

– Боевой клич эдайн севера, приведенный в UT:65: **Lacho calad! Drengo morn!** – “Гори, свет! Беги, ночь!”

– Восклицание Хурина: **Tûl acharn**, “Везде идет”, исправленное с **Tûl acharn** (WJ:301, 254).

– Синдаринские названия отдельных Великих Сказаний “Сильмариллиона”, **Nern in Edenedair**, или *Сказаний об отцах людей “, данное в MR:373:1) **Narn Beren ion Barahir**, “Сказание о Берене сыне Барахира”, называющееся также **Narn e-Dinúviel**, “Сказание о Соловье”. 2) **Narn e-mbar Hador** *Сказание о доме Хадора”, включающее **Narn i-Chîn Hurin** – “Сказание о детях Хурина” (называющееся также **Narn e-’Rach Morgoth** – “Сказание о проклятье Моргота”) и **Narn en-Êl** – “Сказание о звезде” (или **Narn e-Dant Gondolin ar Orthad en-Êl**, *Сказание о падении Гондолина и восходе звезды “). В тексте MR вместо дефисов используются точки.

– Предложение из так называемой “Обертке Турина”: **Arphent Rían Tuorna, Man agorech?**, возможно, означающее *И Риан сказала Туору: что сделал ты?” (Ср. **agor** – “сделал” в WJ:415; см. в *Vinyar Tengwar* #39 полную дискуссию об “Обертке Турина”).

Структура синдарина

В последующем обсуждении структуры языка серых эльфов мы будем иметь дело с комплексными правилами для различных начальных согласных при обсуждении

существительных, хотя остальные части речи также загроуны этими незнакомыми нам фонологическими феноменами. Но прежде всего будет целесообразно обсудить артикли.

1. Артикли

Как и в квэнья, в синдарине нет неопределенного артикля, подобного английскому "a, an"; отсутствие определенного артикля указывает на определенность существительного: **Edhel** = "эльф", "некий эльф".

Определенный артикль – **i** в ед. ч. : **aran** – "король", **i aran** – "(определенный, упоминавшийся ранее) король". Эти примеры так же легко могут быть и квэнийскими. В отличие от квэнья (и английского) в синдарине есть особая множественная форма артикля – **in**. "Короли" будет **erain** (произведено от **aran** гласными умляутиами, см. ниже); "(эти, определенные) короли" – **in erain**.

Артикль генитива: в синдарине отношения генитива часто выражаются только порядком слов, например, **Ennyn Durin** – "Двери Дурин(а)" и **Aran Moria** – "Лорд Мория (-ии)" в надписи на Вратах Мории. Однако если второе слово в конструкции – простое существительное, а не имя собственное, как в этих примерах, то артикль генитива приобретает форму **en**, равную по значению англ. – "of the". Ср. названия типа **Haudh-en-Elleth** – "Курган эльфийской девы" ("Сильмариллион", гл. 21), **Cabed-en-Aras** – "прыжок оленя" (УТ:140) или заголовок **orthad en-Ēl** – "Восход Звезды" (MR:373). Ср. также с тем, как называли Фродо и Сэма на Поле Кормаллен – **Conin en Annun** – "князья Запада". Артикль множественного числа **in** обычно используется и в генитивных конструкциях, ср. **Annon-in-Gelydh** – "Врата холдор".

Заметим, что артикль **i** вызывает леницию последующего существительного; см. ниже. Конечное **n** в артикле **in** часто проглатывается в процессе, называемом назальной мутацией. Звук **n** исчезает, а вместо него меняется начальный согласный. Об этом также будет сказано ниже. Так же артикли используются в качестве относительных местоимений. Ср. **Perhael (i sennui Panthael estathar aen)** – "Сэмвайз (кого следовало бы звать Фуллвайзом)" в Письме Короля, или ср. с названием места **Dor Gyrrh i chuinar** – "Земля мертвых, *которые* живут" (в Letters:417 – это звучит как **Dor Gyrrh in chuinar*, что есть пример назальной мутации. **Dor Firn i Guinar** в "Сильмариллионе", гл. 20 представляет артикль ед. ч. **i** как относительное местоимение, хотя слово **Firn** и есть множественное число; поэтому предпочтительно прочтение из очень позднего письма (1972 г.) – **Dor Gyrrh i chuinar**.

2. Существительное

Синдаринское существительное имеет три числа: единственное, множественное и двойственное. Однако нам известно, что форма двойственного числа рано вышла из употребления и осталась только в письменном виде (Letters:427). С другой стороны, так называемое обобщенно-множественное число развилось; см. ниже. Как в большинстве языков, единственное число является базовой формой существительного. Множественное же в большинстве случаев образуется изменением гласных в слове вместо добавления окончания: **Amon** – "холм", **emyn** – "холмы", **aran** – "король", **erain** – "короли". Некоторые английские существительные образуют мн. ч. подобным образом: *man* мн. ч. *men*, *woman*, мн. ч. *women* (произносится как "wīmen"), *goose*, мн. ч. *geese*, *mouse*, мн. ч. *mice* и т. д. Но английский язык чаще прибегает к окончанию мн. ч.s. В синдарине же замена гласных – обычный способ образования множественного числа. В конечном итоге этим нарушается феномен умляута. Примитивный язык имел окончание мн. ч. **-i*, сохранившегося в квэнья как *i* (как в *Quendi*, *Atani* и т. д.) когда форма мн. ч. от, скажем, **tulus** – "тополь" будет **tylys**, причина этого в том, что звук **u** подвергся воздействию древнего окончания мн. ч. **-i*, когда таковое еще существовало. Мн. ч. от **tulus** должно быть, являла собой что-нибудь вроде **tulus(s)i* (или еще более древнего **tylussi*, ср. LR:395); тогда **u** было ассимилировано (уподоблено) конечному **i* и превратилось в **y**: **Tylys(s)i*. Позже конечная гласная, ответственная за ассимиляцию, была утрачена, но ее метка на форме множественного числа осталась: **y** сохранилось. Умляутированные гласные стали иметь эффект индикатора

множественности с тех пор, как исчезло множественное окончание.

Множественное число в синдарине

Здесь приводится несколько примеров, хотя это никоим образом не все, что можно сказать по данному поводу. Примеры включают в себя так же несколько прилагательных; согласно этим примерам, прилагательные соотносятся с формами множественного числа сходным с существительными образом. (Несколько устаревших “нолдоринских” форм, возможно, попали-таки в этот список.) Корни, к которым относятся эти примеры (SMAL, PAN и т. д.) найдены в “Этимологиях” (LR:347-400).

Долгий **â** во мн. ч. переходит в **ei**:

mâl – “пыльца”, мн. ч. **meil** (SMAL)

pân – “доска”, мн. ч. **pein** (PAN)

Краткий **a**, за которым следует только один согласный, переходит в **ai**:

tal – “нога”, мн. ч. ***tail**

(см. Приложение к “Сильмариллиону” касательно **tal**, в то время как встречается и ленированное мн. ч. **dail** в словосочетании **tad-dail** [WJ:388]. В “Этимологиях” мы встречаем также **tâl** мн. ч. **teil** [TAL], ср. с вышеуказанным.)

Краткий **a** обычно переходит в **e**, когда за ним следуют два согласных:

lalf – “вяз”, мн. ч. **lelf** (ALAM)

rhanc – “рука (от плеча до кисти)”, мн. ч. **rhenc** (RAK)

narn – “повесть”, мн. ч. **ner**n (MR:373)

...но когда эти два согласных – **nt**, гласный может вместо этого перейти в **ai**: **cant** – “форма, очертание”, мн. ч. ***caint**. (Эта форма встречается в словосочетании **morchaint** – “тени”, букв. “темные формы”; см. Приложение к “Сильмариллиону”, статья *gwath*. Замена **c > ch** следом за **r** в порядке вещей.)

В единственном зафиксированном случае **a** переходит в **ei**: **alph** – “лебедь”, мн. ч. **eilph** (UT:265).

Долгий **ê** во мн. ч. переходит в **î**:

hên – “глаз”, мн. ч. **hîn** (KHEN-D-E)

têw – “буква, знак”, мн. ч. **tîw** (WJ:396)

Краткий **e** переходит в **ei**, когда за ним следует только один согласный:

cef – “земля, почва”, мн. ч. **ceif** (KEM)

...но **i** перед сочетанием согласных:

fern – “мертвый”, мн. ч. **firn** (PHIR)

telch – “ствол”, мн. ч. **tilch** (TELEK)

Ср. также с конечным элементом в **muinthel**, мн. ч. **muinthil** – “милая сестра”, **muin** + **thel**; см. THEL, MOY) и **muindor** – “милый брат”, мн. ч. **muindyr** (TOR).

Корни с **o** образуют мн. ч. с **y**; подобным же образом корни с **ô** образуют мн. ч. с **y**^ (по некоторым причинам для многих компьютеров совершенно невообразимо, что некто может на самом деле хотеть поставить циркумфлекс над **Y**):

orch – “орк”, мн. ч. **yrch** (ÓROK)

toll – “остров”, мн. ч. **tyll** (TOL)

pôd – “след звериной лапы”, мн. ч. **py^d** (POTÔ)

Сочетание **io** также переходит в **y** (вместо ***iy**):

hniof – “ловушка, силос”, мн. ч. **hnyf** (SNEW)

[ср. также **thalion** – “герой”, мн. ч. **thelyn** (STÁLAG)]

hniof, мн. ч. **hnyf** мы должны читать как ***niof** мн. ч. ***nyf**; звук **hn** (глухой **n**) редок в

сформировавшемся синдарине. (В Приложении Е к "БК" сказано, что глухие назальные звуки "очень редко употреблялись в оформившихся языках".)

Корни на **au** формируют множественные числа на **ui**:

naw – "идея", мн. ч. **nui** (NOWO)

rhaw – "лев", мн. ч. **rhui** (RAW)

saw – "сок", мн. ч. **sui** (SAB)

gwaun – "гусь", мн. ч. **guin** (вместо **gwuin*, WA-N-)

Корни на **ei** формируют множественные числа на **i**:

feir – "смертный" (сущ.), мн. ч. **fir** (PHIR, WJ:387)

sein – "новый", мн. ч. **sin** (SI)

thlein – "тонкий", мн. ч. **thlin** (SLIN).

Очевидно, слово **geil** – "звезда", мн. ч. **gil**, принадлежит к той же категории, хотя в опубликованных "Этимологиях" у нас создается впечатление, что **gil** – это единственное число, а **geil** – множественное (корень GIL). Кристофер Толкин замечает, что статьи под буквой G "выглядят во многом так же, как и статьи под буквой E", которые, в свою очередь, описываются как "исключительно невнятные и сложные" (LR:357, 355). Поэтому совершенно ясно, что он неправильно разобрал рукопись своего отца. Между прочим, **geil** должно, возможно, звучать как **gail** в синдарине стиля "БК".

Корни с гласными A-A создают множественные формы с E-AI:

aran – "король", мн. ч. **erain** (ZAR)

Adan – "один из дунэдайн", мн. ч. **Edain** (Приложение к "Сильмариллиону")

lavan – "животное", мн. ч. **levain** (WJ:416)

(В "Этимологиях" есть некоторое количество примеров **a-a**, плюрализирующихся на **e-ei**, а не на **e-ai**; эти формы, очевидно, выведены из употребления позднейшим пересмотром, сделанным Толкином. Есть также примеры **a-a**, становящихся во множественном числе **e-e**; некоторые из этих форм могут быть правильными. См. ниже.)

Корни на A-O образуют мн. ч. на E-Y:

annon – "врата, вход", мн. ч. **ennyn** (AD)

Ср. также **Olfannor** и **Gulfannor**, синдаринские эпитеты Валар Мандоса и Лоризна, вместе известных как **i-Fennyr** (или **Fennir**, но это единственный пример A-O, переходящих в E-I).

Гласные I-O становятся I-Y: **ithron** – "волшебник", мн. ч. **ithryn** (UT:388, 390)

Корни на A-E образуют мн. ч. на E-I:

angren – "железный", мн. ч. **engrin** (ANGÂ)

lalwen – "вяз", мн. ч. **lelwin** (ÁLAM)

lhaden – "скрытый", мн. ч. **lhedin** (LAT)

malen – "желтый", мн. ч. **melin** (SMAL)

arphen – "некто благородного происхождения, господин", мн. ч. **erphin** (WJ:376)

Корни на E-E образуют мн. ч. на E-I:

elen – "звезда" мн. ч. **elin** (WJ:363)

Edhel – "эльф" мн. ч. **Edhil** (WJ:364)

ereg – "шип", мн. ч. **erig** (EREK)

Ср. также **penedh** – “квэндэ, эльф”, мн. ч. **penidh** (KWEN[ED]). Но это слово из “Этимологий”, очевидно, не относится к истинному синдарину (в WJ:362 утверждается, что в синдарине не было слова, родственного квэнийскому *Quendë*).

Последнее **e** переходит в **i** также и в случае корней на I-E или Í-E:

Lindel – “эльф-нандо” мн. ч. **Lindil** (WJ:385)

fíreb – “смертный”, мн. ч. **fírīb** (WJ:387)

Корни на O-E также меняют последний **e** на **i**, но **o** переходит в **oe**:

Morben – “темный эльф” мн. ч. **Moerbin** (WJ:376)

Относительно словосочетаний этого типа Толкин, однако, замечает: “Нормальная форма первого элемента часто восстанавливалась, когда становилась ясной природа словосочетания” (WJ:376). Так, слово **rochben** – “всадник” (**roch** – “юнь” + **pen**, **-ben** – “персона, личность”) могло иметь мн. ч. **rochbin** с тем же успехом, как и **roechbin**. (Если гласная первого элемента была **a**, она обычно переходила в **e**: **arphen** – “господин”, мн. ч. **erphin**.)

Корни на O-O образовывали мн. ч. на E-Y, OE-Y или (гораздо реже) E-E:

golodh – “нолдо”, мн. ч. **gelydh** (см. *Golodhrim* в указателе к “Сильмариллиону”) или **goelydh** (WJ:379)

nogoth – “гном”, мн. ч. **noegyth** (WJ:388)

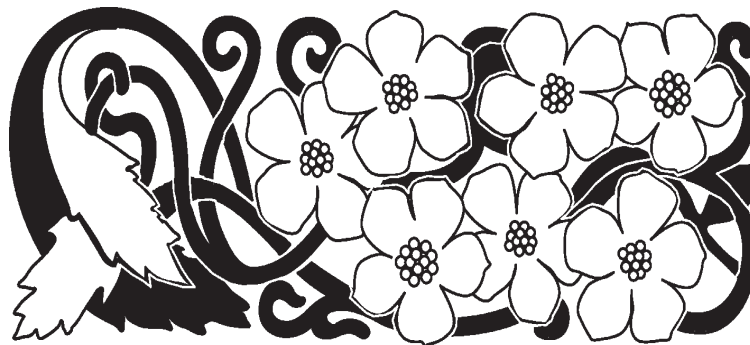
doron – “дуб”, мн. ч. **deren** (DÓRON)

orod – “гора”, мн. ч. **ered** или **eryd** (ÓROT; третья форма – **ereid** – вероятно, в настоящем синдарине не встречается)

Разногласие между **oe** и **e** (**goelydh** или **gelydh**) может быть с легкостью гармонизировано. Представляется, что **oe** имело тенденцию превращаться в **e**; в “Этимологиях” мы находим как **arnoediad**, так и **arnediad**, оба слова означают “неисчислимый” (NOT), а также дублирующиеся формы, такие, как **doelio** и **delio** – “скрывать” (DUL) или **hoeno** и **heno** – “начинать внезапно” (KHOR – между прочим, это, несомненно, неправильно прочитанные ***hoerio** и ***herio**). Так что множественное число от **nogoth**, возможно, может быть также и ***negyth**.

Гласные U-U становятся Y-Y: **tulus** – “тополь”, мн. ч. **tylys** (TYUL).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Морган 2004